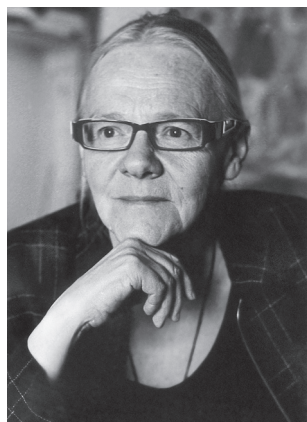

Званный гость

ТАТЬЯНА ГОРИЧЕВА
философ

Родилась в 1947 году в Ленинграде. Окончила философский факультет Ленинградского университета. Была видным деятелем неофициальной культуры. В возрасте 26 лет пришла к Церкви. В 1980 году выслана из страны вместе с другими участницами женского христианского движения. Училась в католическом университете Св.Георгия (Франкфурт-на-Майне), в Свято-Сергиевском православном институте в Париже. Известна во всем мире благодаря многочисленным выступлениям и публикациям, посвященным анализу духовной ситуации в России и на Западе, воспринимаемой глазами православного философа. За рубежом изданы следующие ее книги: «Взыскание погибших» (1982), «Опасно говорить о Боге» (1983), «Сила христианского безумия» (1984), «Дочери Иова» (1986), «Сила в бессилии» (1987), «Дневник путешествий» (1989), «Нечаянная радость» (1990), «Человек непрестанно ищет счастья» (1990), «Святая мать-земля» (1993). Книга «Святые животные» (1993) первая выпущенная одновременно и на Родине. Эти книги постоянно переиздаются на всех европейских языках. К книге «Только в России есть весна. О трагедии современного Запада» (2006, издательство «Русский Хронограф») вступительное слово написал тогда митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Последняя выпущенная на русском языке книга «Молчание животных» (2008) — это православный взгляд на экологию.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

2005–2008

Париж. 31 декабря 2005.

«Неподвижное движение любви» — так у прп. Максима Исповедника. Почему счастье не может длиться вечно? Конечно, я почти не встречала удачных брачных союзов. Но любовь, как нечто живое (смерти же нет), сама ведет любящих и помогает не угаснуть чувству.

«Искусство любви» менее всего сводится к эротическим техникам и может даже становиться сильнее с возрастом. Хотя и отступает биологический момент, т. е. он говорит о себе в виде немощей и болезней, но целомудрие побеждает (оно-то и есть победа любви) — опыт падений, глупостей, опыт только человеческий через цельность и мудрое различение духов созидает новую Тварь.

У Сартра человек — дырка от бублика, поэтому он и движется и существует. У Оригена первые люди начали свою сознательно-самостоятельную жизнь, выпав из рая. А выпали они не из-за недостатка, а из-за избытка — пресытились райской благодатью.

Оба — и Сартр, и Ориген — не правы.

Жизнь — это целостность и полнота. Мудрость жизни — в том, чтобы расти из «силы в силу», пусть и через ошибки, но у Бога есть лишь один призыв — расти вверх, идти вперед.

Париж. 22 января 2006.

Разговор с Ариной о меланхолии. В кафе около Гард дю Норд.

Меланхолия часто определяется как нарциссизм, как не совсем законное присвоение себе утерянного объекта, как чувство вины.

У Мелани Клайн меланхолия — симптом оральный, период осознания, что грудь не будет дана всегда — отсюда ненависть к матери, ко всему миру. Но одновременно это и надежда — когда-то ее дадут. В целом — это лучше, чем агрессивность параноидально-шизофренического, чисто негативного периода. Меланхолик уже берет ответственность на себя, он в целом принимает мать (грудь).

Но в наше время самая распространенная болезнь будет потяжелее: мы живем в эпоху депрессии. С начала 70-х годов прошлого века (как считают психологи) — это главная болезнь человечества.

В классическом психоанализе депрессия определяется как исчезновение любимого объекта. А значит, не нужна более никакая семиотика. Депрессивные люди не интересуются смыслом происходящего (его нет), смыслом вещей (они бессмысленны). Исчезает «sens», «sinn», смысл. Но исчезают и все чувства, ощущения. Мир теряет краски и звуки. «Sens», «чувственность» — это также чувства. Что же плохо? — все плохо. Что неинтересно? — все неинтересно.

А какое время у депрессивного?

В. Руднев пишет, цитируя Державина: «Река времен ... уносит...» Державин, говоря об исчезновении всего мирского, по мнению Руднева, выражает депрессивную точку зрения.

Я не согласна!

Все проходит. Но совершенно очевидно, что все продолжается. Все стремится к тепловой смерти. Но энтропия до сих пор не победила. Именно 2-ой закон термодинамики наглядно говорит нам — побеждает жизнь.

Роланд Шеман (Cheman) говорит, что время депрессии круговое.

Мы живем в эпоху «реального времени», а также абсолютной доступности всего, мгновенного получения любой информации. А также в эпоху «неподвижности» (Поль Вирилье). Древние религиозные культуры ориентировались на «начало», «исток», «золотой век», «рай». Таковы христианство, иудаизм, мусульманство, буддизм и т.д.

Со времен Просвещения человек ориентируется на будущее. Марксизм — самое яркое тому подтверждение. Цель — впереди. Цель — это прогресс.

Неслыханные несообразности и жестокости (войны, ГУЛАГ, апокалиптический накал...) 20-го века сильно поколебали эту теперь уже совсем неприличную веру в прогресс.

Воцарилось безразличие. Вместо присутствия — презентатизм, или господство скорости.

Бешеное, быстрое движение по кругу. Только оно способно породить в душе современного человека какое-то удовлетворение. Никогда не могла понять, отчего так сильно возбуждены игроки на бирже. Они в экстазе не только от своего служения золотому тельцу, да к тому же — виртуальному, их «чувства» столь необузданны, потому что они *немедленно* узнают о потерях и выигрышах, о каких-то процентах. Любая операция завершается немедленным созерцанием ее успеха или неуспеха.

Так же я долго не могла понять, почему половина посетителей дешевых кафе в Париже заполняют какие-то карточки и потом какое-то время смотрят телевизор и тоже буйно реагируют. Это игра в лото, это потребность быстрого выигрыша.

Арина: «Игрок — как белка в колесе. Его зависимость похожа на наркотическую — нажатие на одну точку мгновенно рождает удовольствие».

Париж. 12 февраля 2006.

По Хайдеггеру, человек — «щель в бытии». По Делезу, человек — «pli», складка, которая выводит внутреннее во внешнее и внешнее во внутреннее.

Человек — складка, окруженная хаосом (болезнью, алкоголем, наркотиками, быстрыми сменами и скоростями), с другой стороны человека окружает застывший мир пошлости, мертвых установлений, избитых гармоний. На этот мир человек вообще никак не должен реагировать, его реакция всегда будет реактивной, паразитарной.

Человек сердца (мистического опыта) выбирает узкие врата аскетики и различения духов. Ибо ничто не отличает бытие от сущего. (Трудность духовного выбора выражена Хайдеггером в такой блестящей формуле.)

Влечения, страсти, чувства должны быть пропущены сквозь нетварные энергии. Так конституируется *элан виталь*, жизненный принцип, так создается абсолютно уникальная судьба живой личности.

Чем меня отталкивает феноменология? У Гуссерля нет ничего о «жизни». (Кроме таинственного, «конституируемого трансцендентальной субъективностью» «жизненного мира»). Гуссерль и в жизни был холодным, скучным занудой.

У Хайдеггера уже появляются чувства. И главное — страх. Правда, поздний Хайдеггер возлюбил и радость («*Heiterkeit*»).

У нас, в постсоветской России, по-провинциальному считают, что философия — это наука, поэтому философами можно считать Аристотеля или Гегеля, но уж никак не Ницше. Но на Западе (да и во всем мире) философия уже давно признает свою близость к поэзии, религии, душе (хотя бы в виде психоанализа).

Париж. 9 марта 2006.

Сегодня самый модный и самый читаемый философ во Франции некто Мишель Онфре.

Он называет себя «трагическим гедонистом» и «эпикурейцем», он (и уже целая его школа) считает, что во всех бедах человечества виновато христианство, презревшее радости плоти, унизившее женщину, заразившее человеческие души чувством вины и т. д. Даже нечто грандиозное собираются создать Онфре и «онфреры» — переписать всю историю человеческой культуры с «правильных» атеистических позиций.

Этот философ из Нормандии собирает на свои доклады сотни слушателей, и не только философов, но и простых, неискушенных буржуа.

Нравится публике его тезис: кто желает страдать, пусть страдает. Его дело. Кто же хочет быть счастливым, пусть будет реалистом.

А что такое «быть реалистом»?

Это очень просто — нужно уметь приспосабливаться.

Никогда еще французская философия не опускалась до такого лакейства, до искреннего признания: «Я мелок, я труслив». Здесь не только безразличие к страданиям другого, здесь и жестокость. И извращенное любование мелкими удобствами жизни, и ненаказуемой ныне, ставшей чем-то банальным жестокостью.

Еще окончательно одичавшую (в плохом смысле слова) публику привлекает такой тезис Онфре:

«Я проповедую философию маленьких сопротивлений». Ни в коем случае ничего нарушающего принятый ныне порядок. Одна из дам прямо так и сказала: «Я хожу слушать Онфре, потому что он все так ясно объясняет». Знаем мы эту философию последнего, моргающего человека. Сколько раз слышали и слышим — «моя хата с краю». Французская мысль последние

десятилетия была в центре мировой культуры. И Фуко, и Делез, и Деррида, и Бурдье мыслили смело, не были конформистами. Они шли против течения. Куда же все это исчезло?

Париж. 7 апреля 2006.

Очень близок Борис Поплавский. Его тонкий анализ астрально-чудовищного состояния неподвижного лежания на диване, осознание ничтожности своего бытия, мелкости, бессмысленности всего и т.д. То же могу сказать и о себе; чудовищными усилиями заставляю себя писать, читать. Исчезла музыка. Творчество. Где оно? Но в пользу Поплавского то, что он был безработным, скованным безденежьем, не мог ездить, не ходил по ресторанам. Он был ближе к Христу. Я же объездила полмира, иду, куда хочу, вкушаю и пью то, что хочу. И ни одного солнечного, веселого, переполненного дня. Господи, не оставь меня! Сегодня начало нашего спасения. Господи, помоги. Хоть пост сделай постом. А праздник? О нем не думаю. Еду на рю Дарю.

Париж. 10 апреля 2006.

Люди не видят себя самих. Инвалид в коляске кажется нам (а еще больше себе самому) ущербным существом, потому что он сравнивает себя с другими, здоровыми. Но если он посмотрит на себя изнутри, то перестанет комплексовать. Так и обычный человек: почти всегда стоящий «рядом с собой», со стороны на себя смотрящий — он никогда не будет счастлив, он не будет участником жизни, потому что «шизофреник», а царство, расколотое надвое, не устоит. А также он не будет тем целостным, духовным человеком, тем солнцем, которое притягивает к себе других.

Ошибка неумно влюбленных дам — они дарят своему возлюбленному «всю себя», т.е. нарциссически ограниченный объект, а не весь мир.

Великое чувство всегда объемлет все и никогда не скатывается к идолопоклонству.

Россия. Дивеево. Случайное соседство. 1995 год

Париж. 10 апреля.

Опять сломался компьютер. Все продуманное, прожитое, проплаканное исчезло. Куда? В небытие. Мое почти что отвращение к новейшей

технике — это еще и потому, что она близка к оккультизму. В оккультизме все берется из небытия (без Бога) и в небытие уходит.

Увлечение астрологией, магией и прочей псевдомистикой в наши дни идет рука об руку с виртуальным, цифровым, фантомным.

Париж. 25 апреля 2006.

Вся жизнь — это поиск вечности. Но сейчас стали все чаще искать то, что не исчезает. И основной вопрос времени — не достижение вечного, а попытка вернуть бывшее.

Что такое любовь? Многие определили так: ты никогда не умрешь.

Здесь и гений Николая Федорова — вера, даже уверенность в том, что можно воскресить умерших.

Но сколько их ушло в неизвестную страну, и никак не утешает ни молитва, ни надежда на встречу в другом мире.

Недавно умерла Елена Васильевна Воробьева. Она умерла на Страстной, оставив 40 больных, никому не нужных собак. Она была яркой, сильной личностью. Ее называли «генерал». До пенсии она руководила отделом кадров в мореходке.

Ее уважали и любили, хотя в церковь не пускали (как и в другие общественные места) — из-за запаха. Даже во двор к ней трудно было зайти. Но все чтили Валентину Васильевну, и соседи, хоть и были не очень довольны, но не жаловались. Видимо, этот устоявшийся годами запах, как покрывало любви, защищал обреченных на гибель самых чистых и преданных существ на свете.

Сколько ей было? 70? Немногим больше? Она почти ничего не ела, но за едой для питомцев ходила три раза в сутки (можно было проверять часы). Попивала дешевый-предешевый алкоголь («Красную Шапочку»), но так самоотверженно и аскетически служила Богу и тварям Его, что «святой» называли ее даже атеисты.

На организованном мной когда-то «экологическом» собрании председатель «Общества защиты животных» Анатолий Семенович Соснин, будучи «либералом» и атеистом (но, конечно, так ему только казалось) с пророческим, огненным пафосом назвал наших старушек «святыми».

Здесь осиротели и ее псы, и моя душа. Из своего европейства мне все более хочется попасть в «стан умирающих за великое дело любви».

Неужели последнее слово — за болью? Неужели прав Розанов: боль жизни перевешивает ее радость, поэтому и религия всегда побеждает философию.

Думаю, не из-за боли религия сильнее философии. Философия никак не может прикоснуться ни к великой боли, ни к Воскресению.

Париж. 18 сентября 2006.

Клиши с Юрой Мамлеевым. Он почти ослеп. Я шла ему навстречу и узнала его (просто выделила из толпы) по его нелепой фигуре — беспо-

мощный, странно одетый, спешащий. Подумалось: надо было бы прийти к нему домой. Не догадалась.

Сидели в наименее шумном кафе, тихо, с таинственной какой-то серьезностью говорили. Как Юра похудел! Желтые очки подчеркивают болезненность внимательно-умного, в наш век редкого, лица. Проговорили три часа.

Юра: «У меня в Москве два круга. Тот, старый, который насчитывает несколько сотен учеников и учениц, и новый, очень интересный. Человек десять молодежи. Какое-то совсем новое поколение — ничего не боятся, ничего ни от кого не требуют. Думают. Живут вертикалью духа. Среди них четыре старообрядца, люди 30 — 35 лет. Поражают особой серьезностью и высотой стиля. В Питере, наверное, не появились мои книги, книга о Бытии, «Россия вечная». Теперь я наговариваю на диктофон. Ученики переводят на компьютер».

Юра пережил рак кишечника. Узнав о его болезни, все «зашевелились», нашли лучшую в Москве аппаратуру, блестящего хирурга, деньги. «Теперь я абсолютно здоров», — говорит он.

Я радуюсь, поддакиваю, заказываю соки, салат. Как давно мы не виделись! Сколько интеллектуальной, жаждущей вечности силы в этом тихом голосе, не умолкающем ни перед какой угрозой. Если спекулировать на понижении, то этот голос можно сравнить с ласковым шепотом фанатика, готового идти на эшафот.

Говорили, как всегда, о главном: о мирах, цивилизациях, Бытии и Боге.

Юра:

— Есть две основные религиозных силы, которые скоро будут резко противостоять друг другу. Первые — это созерцательные. Это православие, буддизм, некоторые китайские и индийские направления. Им противостоит религия агрессии — ислам.

Если религии мистические и молитвенные стремятся соединиться с Богом (обожение), то мусульманство резко настаивает на пропасти между Богом и человеком. И не только на пропасти, но и на постоянном удалении Бога от человека. Если придут к власти мусульмане, православным будет плохо. Они их не потерпят, будут жестоко преследовать.

(Между делом, мы посетовали, что наш давнишний приятель Гайдар Джемаль совершенно ушел к мусульманам.)

— А иудаизм?

— Иудаизм никакой роли играть не будет. Это чистый материализм, там нет трансценденции. Вечность понимается как продолжение рода.

Затронули и «китайскую» тему. Юра думает, что китайцы действительно займут Сибирь. (У него проскочило: «Некоторые считают, что спасение придет из Китая»). Образуется новый народ — смесь китайцев с русскими. Юра даже назвал его, но я позабыла.

Его ученики черпают многие свои идеи из немецкой мистики. Ведь мне должно быть известно, что немцы искали тайну мира в рязанской деревне. Немцы осваивали Антарктиду в поисках тех же тайн. Конечно, это не имеет ничего общего с Гитлером, хоть он и баловался оккультизмом.

Говорили о современном состоянии Запада, о тотальном самоубийстве, не похожем на физическое.

Юра: «Это — когда личность исчезает, человек погружается в чисто горизонтальное пространство, наполненное только низкими страстями.» Самое ужасное, плоское небытие.

Рассказал, наконец, что какие-то западные эксперты выяснили, кто наиболее повлиял на создание образа мира у современного человека. Назвали 50 имен. «Ну, например, из французов — это Бодриар. У нас — это я и еще двое ученых. Один из них Фоменко». Тут мы оба рассмеялись. Я не лицемерила, когда захлопала в ладоши и поздравила нашего гения. Радуюсь, когда кто-то радуется. Особенно если это такой друг, как Юра.

Само собой разумеется, что все эти «рейтинги» придуманы, и говорить о них неприлично. Секацкий (при его-то уме) меня поразил однажды, ссылаясь на какой-то рейтинг. Инфантильность и тщеславие. Но пусть так.

Осторожно двигаясь, пролезая сквозь тусовки мощных, орущих, как стадо быков, негров, суетных арабов, сквозь мусорный шум этих мест, мы добрались до Юриного дома. Там я была спокойна за него. Мы пообещали друг другу скоро встретиться.

Париж. 22 сентября 2006.

Слежу за историей с папой Бенедиктом XVI.

12 сентября 2006 года он выступал в Регенсбурге, я даже могу представить себе и аудиторию, и студентов — сама нередко там говорила. Лекция была направлена против «деэллинизации» христианства, был в ней призыв «держаться разума».

Совсем бегло было сказано о мусульманстве. Папа процитировал византийского императора Мануила Палеолога, который в полемике с мусульманами говорил, что они ведут войны (джихад), принуждают быть мусульманами. И что не действовать сообразно разуму — значит идти против природы Бога.

И началось. Убили монахиню, Доминиканский Институт в Каире выразил свое возмущение, восстал весь мусульманский мир.

Я могу себе представить профессора Ратцингера и просто Иосифа Ратцингера — скромного, честного, трудолюбивого немца. Его-то уж никак не заподозришь в каких-то «идеологизмах». Он совершенно не фанатик. Мы с ним встречались в последний раз на собрании квазисекты «Интегрированная община», эти сектанты его ненавидят, хотели только похвастаться, что «сам Ратцингер был у них», но он очень спокойно и доброжелательно разговаривал, даже не полемизировал, а говорил, что есть другая точка зрения.

Я самостоятельно прочла регенсбургский доклад. Действительно, мусульманство там совсем не главная тема. Главная тема — разумность христианства. И меня поразило, что Папа слишком рационализирует. При этом под разумом он понимает «логос» греческой философии. Но ведь не раз уже было замечено (например, Аленом Бневистом), что нужно осто-

можно обращаться с категориями аристотелевской философии. Не ясно, имеют ли эти категории тотальный, абсолютный смысл или же принадлежат конкретному историческому моменту.

Ратцингер (оказывается!) крепко держится за формулу Латеранского собора, гласящую, что Бога можно познать разумом. Но это как-то не православно — сущность Бога не постижима. И здесь критикуемый Ратцингером Кант прав. Хотя Кант, конечно, далек от православия, ибо сводит всякое отношение к Богу к практической деятельности.

Ратцингер — один из образованнейших богословов и философов мира. Поразила меня его узость. Он уж точно знает, что в разных культурах и цивилизациях разум понимается по-разному, что это и «разум», и «рассудок», и «нус». И христианство — это не только продолженный «эллинизм», но и сирийская, очень своеобразная духовность, например.

Париж. 26 сентября 2006.

Маша Мамлеева: «Танечка, ведь мы родные!». Встречалась сегодня с Юрой Мамлеевым недалеко от места его парижского проживания, в кафе на плас Клиши.

Читала ему (поскольку сам он читать не может) рецензию на его творчество какой-то французенки-славистки. Обычная реакция на мамлеевских персонажей. Все сведено к «чернухе» — герои Мамлеева непременно хохочут нечеловеческим смехом, поедают себя самих, со сверхнарциссизмом разглядывают себя в зеркале, превращаются в куриц, прыгают по деревне, «обустраивают» ад. И «никакой надежды не оставляет Мамлеев ни человечеству, ни отдельному человеку». Юра сильно взгрустнул. «Да, западные интеллигенты нас понять не могут. Они все сводят к маленькому «эго», а я пишу о Бытии. Человек в моих романах постоянно трансгрессирует. Я пишу об Атмане, о Боге, о вертикали Святого Духа. Это Западу совершенно непонятно. У меня там так много о России, но никто из них не может понять все то, чем одаривает Россия ... Даже о Петербурге не понимают. Он у меня описан совсем не как «окно в Европу». Петербург — таинственный, непостижимый, болотный и бесконечный, фантастический город. Петербург — это пример того, что сделала Россия с Европой.

И почему «никакой надежды»? Вот уж суицидником я никогда не был. Один знакомый сказал мне: «Я уже хотел было покончить самоубийством, но, прочтя Ваш роман, я так смеялся, так смеялся. Ваше веселие меня спасло».

Потом мы перевели разговор на другое, на любимую Юрой тему индийской философии («Белая моя Индия» — Ключев о России).

Юра говорил об асурах. Это сверхчеловеческие существа, но только в вертикальном плане. Они борются против богов. Им дана невероятная мощь, они живут тысячелетиями, каждое их слово (или мысль) немедленно материализуются. Но человек выше асуров, потому что слабее. Человеку не хватает мощи, поэтому он ищет Бога, обожения. Но в человеке 50 на

50% существует стремление к бездне, непонятному, ненужному, может быть, губительному.

И, почти как Гельдерлин, Мамлеев вдруг заговорил о смерти греческих богов: «Последние встречи богов и людей, прямые, непосредственные, описаны в «Илиаде». После этого боги покинули землю. Греки говорили: мир кончился. Боги умерли».

Париж. С Юрием и Марией Мамлеевыми. 1985 год

ностью от мира сего, углублялся в адвайту-веданту, эзотерическое мусульманство, Китай.

И устыдилась я суете своих скучных парижских дней. Пусть я и не виновата, что должна ходить по всяким агентствам и социальным учреждениям, раздражаться, сидеть в очередях, терять внутренний мир — и все же виновата. Запад постоянно отсылает меня в маленькое время (по Бахтину), нагоняет страхи, отнимает первую Любовь мою.

— Юра, ты и не знаешь, что даже наиболее глубокие здесь мыслители, такие как католик Рене Жирар и близкий к христианству Мишель Сер, отделяют преступное сакральное от «высоконравственного» святого. Долой все жертвы, ритуалы. Память об умерших не нужна (Сер), христианство покончило с этой «некрофилией». Нужна лишь «вертикаль».

— А из чего она у них состоит, эта вертикаль?

— Да в том-то и дело, что из пустоты. А пустоты не бывает, поэтому все подменяется политикой. А в последнее время и хуже того — скромным гедонизмом. Посмотри, вот последний номер парижского журнала «Философи» — здесь в центре статья о том, что такое современный обед. Сегодня была в книжном магазине. Раньше такое было немыслимо, а теперь половина магазина — это литература о кулинарии, туризме, путешествиях.

Как жаль расставаться с Юрой. Но он приехал в Париж только за пенсией. А мне все тяжелее и тяжелее срывать с места, попасть в Москву — это уже проблема.

Я не преминула процитировать Гельдерлина: «Так щадят небесные нас».

Часа три провели мы в таких разговорах. Старалась я побольше говорить о православии. Цитировала преп. Серафима о «стяжании Святого Духа», о том, что «Бог есть огонь». «Стяжать Дух Святой — это не просто заниматься негативной аскетикой», — говорила я, намекая на антиперсонализм восточной философии. Юра же, с таинственно серьезным видом, с полной отстранен-

Париж. 29 сентября.

По «арте» передача о Гюнтере Грассе и его путешествии в Индию. Прожив шесть месяцев в Калькутте, он написал книгу об Индии, которая возмутила калькуттскую интеллигенцию.

В своей книге немецкий писатель негодует, видя, как сотни тысяч людей, лишённые (как ему кажется) всего, живут и днём и ночью на грязных, пыльных улицах. Нищета, позорная нищета — это больше всего запомнилось честному европейскому интеллигенту Грассу.

Интересно ответили калькуттские писатели, художники, музыканты. С ними Грасс, как видно из передачи, даже не встречался.

Они сказали: «Гюнтер Грасс — порождение западного, материалистического, одностороннего мышления. Он — приверженец формулы Адорно, когда-то провозгласившего, что после Освенцима нельзя творить, писать стихи, петь, рисовать. Остается — молчание. Но мы исходим из нашей, индустриальной традиции. Для нас истинный мир лежит по ту сторону мира материального. Смерть — только переход в другое состояние. Её фактически нет. Мы — романтики, мы всегда — «оптимисты». Для западного человека непонятно, что вопрос материальной нищеты — это вопрос вторичный. Большинство этих ужасающих взгляд приличных буржуа нищих может быстро выйти из нищеты. И многие выходят, а некоторые всю жизнь спят на улице, а утром идут на работу в престижное бюро. Главное — радость, душевный мир, принятие каждого момента жизни как дара.

В «европейском» возмущении Грасса много презрения. Но Индия сегодня доказывает, что жизнь великой религиозной традиции всегда открыта новому. Так, индийцы занимают первые места в мире компьютерных коммуникаций.

Даже индийское кино сегодня пользуется необыкновенным успехом и завоевывает Голливуд. По прогнозам демографов, не Китай, а Индия лет через 15 будет самой многочисленной страной в мире.

Вспоминаю, каким духовным счастьем были наполнены мои дни в Индии, в Бенаресе, на берегу Ганга. Хотя и был (часто) ужас, трепетала душа от присутствия чужих молитв и ритуалов. Но все было полно богов. И истинное отчаяние обрушилось на меня в самолёте, когда я поняла, что лечу в дикую Европу. В самолёте открыла журнал «Экспресс». Наткнулась на интервью с Глюксманом. И оно-то уж совсем подкосило. Глюксман — с его демоническим и мелко-злым взглядом, с неприличными волосенками, грустно ниспадающими на усталый «лик» — говорил: «Дьявол существует. В это я верю. А никакого Бога нет».

Париж. 12 октября 2006.

Три последние дня по «арте» обсуждается ситуация в России. Происходящее у нас называют «ресоветизацией», «диктатурой» царя — Путина. В центре культурно-аналитических программ — убийство Анны Политковской.

Подсчитывается, сколько журналистов за это время было убито с контрольным выстрелом в висок. (Даже я получаю письма от своих итальянских и немецких читателей с просьбой не ехать в Россию. Так и пишут: «Тебя же Путин непременно расстреляет».)

Вспоминают о журналистах из Тольятти, о Листьеве, Старовойтовой, о Ходорковском (это непременно).

Опять на экране усталое, измятое лицо Глюксмана. Как всегда, русофобствует.

На каком бы парижском вокзале я ни оказалась, во всех киосках несколько месяцев подряд бросалась в глаза его книжечка «Достоевский и Манхэттен». Прочла, не отходя «от прилавка». Россия изображается как хитрый проект дьявола, воплощение абсолютного зла. Екатерине Второй удалось обмануть Дидро. Она очаровала даже умнейшего вольнодумца Вольтера. Что же говорить о сегодняшних днях.

Путин обводит вокруг пальца Ширака, Шредера, всех. Его не только по-дружески принимают, но недавно выдали особую награду — Крест Почетного Легиона.

Почти физически чувствуешь ненависть, которая струится с экрана, ненависть от страха. Россия не покорена и сегодня. И не пресмыкается перед трусливым, торгашеским духом.

Конечно, ни слова не сказали, что убиты не только журналисты-демократы, но и патриоты, монахи и священники — их убито гораздо больше, чем прозападных писак.

Убиты казачьи атаманы. О таких мы здесь никогда и не услышим, ведь патриотизм, особенно русский, — «прибежище негодяев».

Как хочется быстрее в Россию. Там все все претерпели, выстрадали. Там тишина и ликование.

Париж. 21 октября.

Вчера были с Павле у Оливье Клемана. Ему, по видимости, очень тяжело. Шевелит только правой рукой. Над кроватью укреплена полочка. На ней книги, журналы. Оливье в курсе всех последних новостей. Как и раньше, читает все и обо всем.

Его черты — прошли месяцы, как мы не виделись — сильно заострились. Но лицо — эйдос. Икона, через которую светит его живая, все впитывающая, умная душа. Глаза по-прежнему не тускнеют — мудрость, интенсивность взгляда. Весь он — внимание, участие, огонь.

Как всегда, он с нетерпением спрашивает: «Как там в России?»

Говорим, конечно, и об убийстве Анны Политковской. Я рассказываю, что не известно даже Оливье: что в России убивают священников (отца Алексея убили вместе с беременной матушкой и детьми — один из примеров), что эти убийства совсем не всегда связаны с ограблением церкви. Убивают не из-за материальных или политических мотивов, а потому, что «ярко горят».

Оливье спрашивает обо всем. Просит рассказать, интересуются ли в России Индией.

— Конечно, и Индия, и Китай, и Рене Генон, и евразийство (не просто как философия, но как крупное политическое течение) — все это популярно в самых широких кругах.

Часто подобные увлечения каким-то образом «соединяются» с православием, часто со старообрядчеством.

Спрашивает:

— Есть ли надежда на будущее? Что больше всего радует?

Мы с Павле:

— Нас больше всего поразили некоторые новые, еще неизвестные монастыри. Там — и молитва, и любовь, и помощь тем, кому никто не поможет.

В Россию едешь, как в больницу. И там лечат! Там находишь сам себя, набираешься сил, живешь.

Оливье:

— Вы, Татьяна, сейчас по-прежнему часто бываете в Германии?

Я:

— Почти не бываю. Я не чувствую, что мои доклады-проповеди на Западе в данное время угодны Богу. Все силы отдаю России. Например, в этот самый вечер я должна была бы выступать у протестантов, говорить о «Страдании».

Оливье:

— Они хотят слушать о ВАШИХ страданиях.

Я:

— К сожалению, почти всегда это так. Слушают и говорят про себя: «Слава Богу! У нас такого нет».

Мы хотели уйти быстро, но совершенно не заметили, что пролетел час с половиной. Оливье ведь было тяжело говорить, он напрягался. Знали же об этом, но все равно увлеклись — с Оливье и время, и пространство наполняются сверхсмыслом. Они попросту исчезают.

Париж. У прикованного к постели Оливье Клемана.
2006 год

Москва. 5 декабря 2006 .

Непрерывные интервью: для «Фомы», для радио «Радонеж», для местного религиозного телевидения и даже по телефону — для «Нижегородской газеты». (В Нижнем Новгороде, оказывается, знают журнал «Беседа»).

Два Владимира из «Фомы», умные, внимательные, помогающие говорить (А бывает и так, что ты отвечаешь на вопрос, а в это время все о чем-то своем шепчутся. Пример — парижское радио «Нотр-Дам»).

Говорили о миссионерстве. Мой ответ: В России миллионы христианских мучеников. Больше, чем за все время существования христианства. «Кровь мучеников — семя христианства» — Тертуллиан. Вспомним, что когда завершились первые христианские гонения, то творческий импульс вызвал

Под Лондоном. С послушником Иеремией, будущим отцом Серафимом (ныне настоятелем скита Всех святых на Валааме) и Павле Раком. 1985 год

к жизни богословие. Появились великие каппадокийцы. Их труды и сейчас лежат в основе христианской традиции.

Теперь, когда в России прекратились явные преследования, мы, образованные и мыслящие православные, должны «артикулировать» великий опыт страдания и победы, соединить новизну новых тайн с единым движением мировой культуры и цивилизации.

Подобно св. Григорию Нисскому, св. Григорию Богослову, св. Василию Великому, которые использовали достижения античной философии, преобразовали ее

понятия и термины, мы должны усвоить и преобразовать опыт философии, социологии, этнографии, психоанализа и многого другого, опыт мысли 20 — 21 века, создать вечно новую христианскую культуру. Святой Дух ничего не боится и никого не презирает.

И это задача русских людей, ибо на Западе уже давно существует разрыв между интеллигенцией и церковью, люди мыслящие редко становятся людьми церковными.

Конечно, были и вопросы, которые задают во всех странах мира. Например, как привлечь к христианству равнодушную молодежь.

Но разве есть рецепты?

Можно лишь заразить кого-то своей радостью, глубиной, подлинностью переживаний, неотмирностью.

Можно, например, вместе поехать в монастырь. Их у нас сейчас много. Там реальность духовной жизни очевиднее и фантастичнее любых сносшибательных историй. Именно в монастыре я нахожу тот реализм, который и позволяет человеку жить, быть серьезным. В эпоху сплошной виртуальности многие мечтают об этом.

Конечно, одними «катехизисами» никого не увлечешь. А навсегда отбить интерес к «высоким словам» очень просто. «Опасно говорить о Боге». Опасно и греховно, потому что почти всегда говорим всуе.

Говорили и о потрясшем всех фильме «Остров».

Там удалось невозможное — показать молитву. Мамонов молится с такой строгостью, силой и «правильностью», что совершает космическую литургию, служит непокорным, холодным водам, выжженной, скудной земле. Он — вертикаль боли и покаяния, соединяет суровое небо с клочком

исстрадавшейся земли. Молитва, слова псалмов — меч воина, хорошо знающего своего страшного врага.

Быть может, Мамонова и нельзя назвать юродивым, но он по-православному апофатичен.

А предел апофатики — это не только дойти до последнего самоумаления (самоуничтожения), но и «взорвать» инерцию, фиксацию, остановку. Вместо конформизма — безумие, и совсем не романтическое. Юродивое, безобразное. Безумие — проказа. (Высший предел апофатики — чрезмерная кажимость). Не зря отца Анатолия и называют «проказником».

Москва. 6 декабря.

Еще одна небанальная встреча с журналисткой. Люблю Надежду за ум, за то, что поднимает мою душу и врачует ее. У нее самой в прошлом и настоящем столько выстраданного. И сколько счастья!

Каким праздником был ее рассказ о военном священнике! Первое обращение его к новобранцам: «Поднимите руку те, у кого есть душа!» И все, как один, подняли руки.

Какое пиршество — работать с ней вместе. После передачи по телевизору она сказала мне: «Вы сказали, что нельзя калечить землю, нужно отказаться от машин, от «роста производства» и «роста потребления». Похоже говорит и Федор Конюхов. — И Надежда вдруг сказала: «Да Вы вообще с Конюховым похожи. Он один ездит по мировой пустыне, и Вы одна едете в самые странные места и страны и везде, радуясь, что Вы — православная, собираете мир в единое целое Божьего творения».

Конечно, меня смутило это сравнение с недостижимым даже для воображения Конюховым, но в нашем праздничном сотрудничестве Надежда все более была поэтом. И это мне в ней понравилось более всего.

Петербург. 28 декабря 2007.

Последние дни были переполнены выступлениями, встречами уже с петербургскими православными. Их меньше, и в них меньше оптимизма и размаха, но и они — родные. Город мой — большой, непостижимый, умирающий, но все же возвращаюсь сюда. Люблю.

Долго хотела встретиться с Элеонорой (подругой моей немецкой подруги Марии Кайзлинг), директором Петершule. И вот, наконец, я в этой «немецкой» школе. В четверг обсуждалась проблема «Образование и воспитание». Что-то зачастили они с этой проблемой — повсюду только об «образовании». Скучно.

Были учитель философии Ростислав, две-три старушки («Рабочее движение пенсионеров за образование») Они, по их рассказам, ходят повсюду. Очевидно, чтобы побороть депрессию и замедлить склероз. Правда, одна сказала, что Бог — в душе, поэтому не надо ходить ни в какую церковь. Конечно, было добавлено, что у всех религий Бог один.

Меня попросили высказаться. Мой коротенький «доклад» я завершила тем, что в мире исчезла тайна, основа творчества, без которого не может жить ни один человек. Ибо человек всегда больше себя самого.

Вместо тайны — горизонтальность жизни, порнографическая прозрачность и тотальный контроль.

Исчез образ, по которому создан человек. Образ Святой Троицы. Перестали видеть и слышать Другого.

Цитируя св. Максима Исповедника, говорила, что новый Адам должен соединить Небо и Землю, духовное и материальное, ангельское и животное. Только так можно возродить оскверненную землю, победить экологический кризис.

После меня выступал мой знакомый 30-летней давности Константин Иванов.

Боже Ты мой! Еще 30 лет тому назад все мы отошли от него из-за его самодовольства, безнравственного отношения к «женам», а больше всего из-за его ненависти к монастырям, мистике, аскетике, всему русскому православному. Ему сейчас под 70, и, увидев меня, он со злорадством произносит: «Эти вонючие старцы». Делится своим опытом преподавания «катехизиса»: «Я детям не о православии, а о других конфессиях рассказываю. Так-то оно прочнее». И опять в мою сторону снисходительно: «Этот православный романтизм».

Потом разочаровал меня и Козырев. Когда-то это был талантливый, живой человек. Теперь я с трудом узнала его. Он заговорил о прогрессе. Козырев считает, что человечество прогрессирует (редкая, даже сумасшедшая мысль). А прогрессирует оно потому, что завалено знаниями, которых так много, как никогда. В наше время отдельный человек несет на своих плечах непосильный груз знаний и ответственности. И справляется!

Хотелось возразить Козыреву, что «многознание не научает уму». Об этом не только у античных мыслителей, но и в книге Цветана Тодорова «Убивающее познание». Он показал, что испанцы, гораздо лучше знавшие индейцев, убили их — в том числе, благодаря своим прогрессивным познаниям — не менее чем 20 миллионов.

Но было скучно и возражать, и не возражать.

Мои немецкие друзья вот уже многие годы поддерживают эту Петершуле. Очевидно, есть в подобном начинании много хорошего. Сама Элеонора мне понравилась, но больше я в этом затхлом собрании не появляюсь. Хоть и Марии ни о чем таком увиденном и услышанном писать не буду.

Петербург. 31 января 2007.

В последние десятилетия побеждает даже не нигилизм, даже не цинизм, а некий меонизм, абсолютный страх перед возможным появлением жизни.

Все уж, кажется, «деконструировано» — красота, мужественность, любая форма привязанности.

И, конечно же, бытие, с его пусть и банальными (вес, ширина, длина...), но все же объективными, принуждающими к ответу-ответственности параметрами.

В журнале «Художественная жизнь» читаю Гройса. Восхваляет уже давно любимые им «инсталляции». Восхваляет за их необязательность, «открытость», безликость.

Оказывается, они лучше любой «живописи», ибо картина «империалистична», она давит. Но, Боря, что же получается? Гений тоже гнетет и давит? Отсюда недалеко и до предложения «удушить любого гения в зародыше». Так говорят бесы в «Бесах».

То же и с героем. Героизм не в моде. Он даже опасен. Полюбила наша литература серого, опущенного героя. И повсеместно цитируют Венечку Ерофеева: «Хорошо, что не везде есть место подвигам».

Но Венечка, Божья птаха, писал это в смирении, в аскетическом (хоть и через запой) отказе от себя. Наши же интеллигенты просто трусят, не любят подвигов, боя и жертвы, ненавидят армию.

И наконец: уже сколько раз я слышала упрек, когда восхваляла мучеников — мол, тот, кто идет на мученичество, готов и других туда же послать. Мученик — уже не просто мазохист, он — садист, он — укор «нормальной», буржуазной жизни, угроза для умерших второй смертью.

Вот отчего на полуживом Западе больше боятся нашего православия, чем коммунизма.

Православный святой (который для буржуа вообще-то невозможен) неприличен. Безумно, нелепо и неожиданно способен он без всяких усилий разрушить гнилое спокойствие трусливого, исчезающего вида, который уже давно и сам себя не называет человеком.

15 февраля 2008.

В начале февраля выступала в Вологде. Провела там неделю. Пришлось ехать СВ, в двухместном купе, чтобы ночью можно было открыть дверь, уничтожить клаустрофобию и не задохнуться.

Вологда! В эти дни она украшена таинственным снежным покровом. И все ее деревянные украшения, как и древний каменный центр, были родными, человечными, радовали душу.

Марина, как всегда, — смелость. Распахнута к любви и нежности. Ольга, внучатая племянница, еще более красавица, с античным профилем, гордой и легкой фигурой.

Молчаливый и собранный (как все мои вологодские родственники по мужской линии) Коля. Все — как в вечности. Как будто бы любимые не умирают.

Строго-умная Наташа Серова. Начитанная, все понимающая и знающая, переживающая за церковные настроения, как всегда, берет у меня небанальное, мне самой интересное интервью. Кажется, для «Пятницкого бульвара».

Выступала в красивом двухэтажном особняке. Зал на сто человек. И кого только не было в этом зале! Спряталась в задних рядах Татьяна Александровна (та, что сказала: Не обманывайте меня, я во все верю). Как хотелось ее обнять! Но она стесняется. Обычное: я — никто, никому не нужна. Молодежь и старики. Ответственный за вологодский лес почтенный господин. Бывший узник в татуировках. 27 лет тюрьмы. Он, видно, просветился в тюрьме, начитался, хорошо разбирается даже в «католической» ситуации. Знает и о Фатиме. Известный писатель и кинорежиссер Анатолий Е.

Женщины: одна подошла поблагодарить за когда-то пожертвованные ей на лечение деньги, другие, сказавшие, что читали мою книгу так, как будто сами писали ее. Это — «Только в России есть весна». Многим понравилось: Русская земля — это небо. (Я цитировала и Штейнера.) Понравилось. На Западе я жила не своей жизнью.

Некоторые, напротив, просили прояснить. Говорила: «В жизни каждый момент нужно стремиться к кайросу, к тому, чтобы там проживаемое большое время совпадало с твоим маленьким, эмпирическим. В России я живу, а там и языки их я не могу в совершенстве знать, и запахи не адекватно действуют, и краски другие. Типы же людей узнаваемы только на поверхностном уровне».

Есть ли в западных языках вообще слово «родное»?

Есть, но употребляется крайне редко. Для русских же — главное почти слово.

Наташа Серова:

— Вы когда-то сказали, что враги России больше боятся православия, чем коммунизма. Почему?

— Да потому, что капитализм и коммунизм — одно и то же. Конечно, коммунизм лучше. Но все свои хорошие качества (поиск справедливости, любовь к бедным, мечту о равенстве) коммунизм взял у христианства. А на Западе христианство очень слабое. Можно сказать, что наша православная церковь очень сильна. Это самая сильная церковь, которую я знаю.

Враги Бога не могут даже приблизиться к пониманию того, что происходит в верующей душе, тем более в душе русской, которую не запугать, не подкупить, не умертвить.

После доклада и вопросов одна женщина спросила:

— Почему Вы так легко смеетесь?

Париж. 24 февраля 2007.

Еще и еще вспоминаю русские встречи. Был в гостях полюбившийся всем Виктор Тростников. «Гудели» с ним пять дней. Говорили о Прусте, о том, кто будет президентом, о Наталии Нарочинской (с уважением), обо всем-всем-всем. Слова естественно оборачивались песней. Пели русские, советские, Дунаевского, Соловьева-Седова, Пахмутову. Наша квартира, набитая народом (всех привлек, покорила Виктор), была каким-то странством праздничных, щедрых чувств. Все это время почти не спали.

А утром Виктора застала уже на кухне, беседовал с Наташей. Уже выпил виски, потом сухого красного, сухого белого, потом пришли 81-летние его друзья — Туся (это он) и Юра (жена). Всю жизнь они проработали врачами на Камчатке, с Виктором учились когда-то вместе в школе. Не виделись 50 лет! И с ними пришли бесконечно радостные воспоминания. Вечером у Виктора доклад. Туся и Юра, отказавшись от всякой помощи, пошли самостоятельно вдоль Фонтанки, по скользкому, коварному тротуару, в дом РХГИ.

Мы все тоже подтянулись. Вошли в зал, который, как никогда, был полон.

Виктор говорил в духе Данилевского-Тойнби (о различии цивилизаций). Строго, красиво, вдохновенно. Отдавал всего себя каждой мысли, обращался к каждой сидящей в зале усталой и забитой душе.

Потом долго сидели в ближайшем ресторане «Афины». И опять не могли наговориться.

Я боялась, что на Виктора нападут наши либералы. Увы, Петербург — не Москва. Здесь люди затравлены и закомплексованы. Но критики не было. Обычные «демократические» выпады не прозвучали. Никто не испортил нашей высокой радости.

На следующий день у нас собрались друзья: Сева Корсаков, Петр Кузнецов, отец Александр, Миша Новиков. Царили дружество, безумие, пение, жадность животворящего познания. Сколько вопросов! Сколько ответов!

Петр:

— Эта встреча — самое большое событие в моей жизни. Виктор Тростников моложе всех нас. Я никогда не встречал личности столь одаренной, яркой, доброй, энциклопедически образованной.

Договорились с Виктором увидеться в Париже. Он наивно думает, что там с распростертыми объятиями «ждет» нас благородная первая эмиграция.

Париж. 25 февраль 2007.

Приехала сюда из-за скучных дел с квартирой (не платят квартиранты), с *социалкой* (нельзя с моим социальным минимумом покидать Париж). Пять дней валялась в своей потной постели, пила бордо, потом «выходила». Два раза в три часа ночи вызывала SOS-врачей, которые вкалывали мне снотворное, брали по 80 евро и быстро исчезали. Но и на том спасибо — ужасно остаться ночью одной в чужом, страшном, совершенно ненужном мире. Пробовала смотреть телевизор — все заполнено предвыборной гонкой. Кроме политики, почти ничего. Политика же выродилась в бесконечное скучное шоу. Все, как по приказу, хохочут. Смеются не от радости, не потому, что смешно, а с банальной, механической, бессильной злобой.

Саркози, Ройаль, Бойру — все они собирают десятки тысяч людей, орущих, прыгающих, тусующихся. Очень по-американски выглядит.

На этом фоне хорош даже Ле Пэн, он хотя бы реален. И любит Францию, ее традиции. Остальные же виртуальны. Даже их недостатки никому

не интересны. Это уже и не пыль, и не мусор. Не реагируют ни глаза, ни уши, ни мозг, ни печень.

По «арте» (вместо «культуры») — бесконечный гастрономический туризм. Путешествие по Дунаю — не что иное, как посещение лучших ресторанов и даже кухни с подробнейшим рассказом, как все это режется, жарится, укладывается в тарелку. Видно, телевизионщики предпочитают хорошо поесть (простейшие оральные удовольствия), а не таскаться по музеям, замкам и монастырям. (Удовольствие анальное и даже предгени- тальное, что требует некоторого напряжения).

Так что читаю. И читаю запоем.

Париж. 9 апреля 2007.

Христос воскрес!

Позвонила в Россию (вчера), громко и радостно «возгласила» о Воскресении только несколькими, от которых не боялась не услышать в ответ: «Воистину воскрес!»

А многим уже сказала по-западному: «С Воскресением, с Пасхой!».

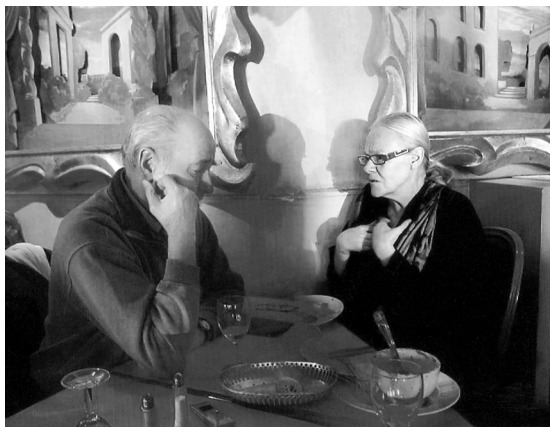
Как это не похоже на прежние времена, когда искра Праздника жила в каждой знакомой (и даже незнакомой) душе. Мои немецкие друзья уверены, что я сейчас в России. Они хорошо знают, что Пасху можно пережить только там. Кое-кто в письмах цитируют мне Достоевского: «Кто не пережил Пасху в России, не может полностью представить себе, что это такое...»

Предпасхальная неделя была трудовой. Наконец-то жильцы оставили квартиру на Шапон, вернее были изгнаны при помощи полиции, все унесли, везде напачкали. Лишь на камине оставили грудку DVD. Группы называются «Черные ангелы», «Голоса преисподней» и т. д.

Избавиться от остатков сатанизма и прочего мусора мне помог Павле. Научил меня красить. Побелили потолок и стены. Я освоила нужную профессию. Приятно раз-

махивать кисточкой. Приятно видеть, как играют оттенки белого. Ну чем лучше (или хуже) современной живописи?

И я, и Павле ведем — каждый отдельно — внутреннюю борьбу против раздражения. Но все же он умен, и иногда бывают разговоры «на высокие темы». Сегодня он уезжает. Как бы уже уехал. В голове Рильке: «Wunder ist

Париж. В кафе «Богема» на Монмартре с Михаэлем Альбусом, редактором и ведущим Центрального немецкого телевидения. Осень 2008 года

nicht nur im unerklärten Überstehen der Gefahr, erst in einer klaren reingewahrten Leistung wird das Wunder wunderbar».

Чудо — в ясности поступка. Ясные действия — хождение в противное агентство, покупка мебели для будущих жильцов — ценю нынче особенно. Это (особенно для меня) — чудо.

Ясными действиями еще никого не удивишь на Западе. Увы, в России царят паралич воли и безответственность. Они самоубийственны.

С другой стороны, ответственность — это ответ. Но некому отвечать. Оборваны связи. Любое начинание грозит обернуться своей противоположностью и самыми ужасными последствиями.

Слово «состояние»: в своей новой книге «Иисус из Назарета» нынешний Папа (Ратцингер) пишет о том, что блудный сын потерял и свое внутреннее, и свое внешнее состояние и что в греческом языке «сущность» и материальное состояние означают одно и то же.

Но ведь и в русском так же!

Состояние русской души сегодня — потерянность. Окаменелость. Как перед ликом Медузы Горгоны. И русское богатство (тоже состояние) раскрадывается недочеловеками, вывозится из России.

Есть и еще один, глубокий смысл слова «состояние». Стоять, выстоять вместе, а мы только-только начинаем помогать друг другу, благодарить Бога за общую судьбу, за то, что еще живы.

Париж. 9 апреля 2007.

Западный санаторий. И самое живое в нем — мои собаки. Их много. В каждом кафе мы вступаем в игру, которая веселит всех.

Прошло пять месяцев. Рыжую красавицу в ближайшем угловом кафе я не узнала. Она в моей памяти все еще была щенком. Зато она бросилась ко мне — лапы на плечи, облизала, повизгивая. Другая, черная и огромная, забыла в шуточной борьбе со мной о всех табу, стала слегка меня покусывать.

Каждое утро пишу или читаю в кафе. Теперь уже не могу встретить утро (сейчас я тоже в кафе) без благословения собачьей радости. Что-то даже религиозное появилось в этом естественном ритуале.

Россия. Репино. 8 мая 2007.

(Санаторий).

Как обухом по голове!

Что за странную, увлекательную, тревожную, далекую от всего европейского передачу я видела вчера по телевизору!

За круглым столом (передача Архангельского) сидели Саша Дугин, какой-то еврейский богослов (раввин?), историк и режиссер Павел Лунгин.

Говорили о роли (культе) личности в истории, о грядущем фильме Лунгина (каким чудом ему удалось сделать «Остров»?) об Иване Грозном и митрополите Филиппе.

Больше всего меня поразил Саша Дугин. Еще более похорошел, но красотой холодноватой, не распахнутой. Еще бы, лидер должен быть спрятанным, «трансцендентным».

Дугин говорил, что нет морали, нет понятий добра и зла. А митрополит Филипп — это, возможно, только отражение Ивана Грозного. (Который жертвовал, жертвуя другими.) Вот — мысль, оправдывающая всех удачливых преступников, садистов и тиранов — от Ивана Третьего (читай Балашова) до Сталина. Дугин говорил, что византийский император — это глубинный наш архетип, он абсолютнее любой морали. Сталин, Ленин — все это императоры, несущие в себе тайну, смысл, глубинное измерение нашей истории.

Саша, ты же христианин, все время говоришь, что «старообрядец» («единоведец», практикующий). Но был ли Христос заметной, властвующей в мире сем Личностью?

Христа не заметил почти никто, кроме кучки ничего не значащих в этом мире рыбарей и мытарей. И нескольких женщин. Так неужели не Христос — архетип русской души? (И Федотов, и Штейнер писали, что душа русская изначально «христоцентрична»).

Было неловко, что Сашу критиковал иудей: «Я-то думал, Вы — человек верующий...»

Этот же спокойный раввин (?) сказал: «Есть общая нравственность. Она дана Богом на Синае. Библейские заповеди объединяют всех нас — и евреев, и христиан, и мусульман».

Интересно размышлял и Павел Лунгин:

«Я несколько лет жил во Франции. И я видел, что в Европе ничего не происходит, все застыло. Почему? Да потому что там в лучшем случае ссылаются на закон, но уже давно не делают различия между добром и злом. В Америке же — пусть тупо и примитивно — но еще с жаром говорят, что нужно бороться за добро, против зла. Поэтому в США что-то еще движется, не окончательно омертвело».

Так, примерно, он говорил.

Я согласна, хотя американский морализм выролдился в сектантство, а под «наивностью» скрывается беспочвенность, агрессивность, антисвятость.

Но это «дух времени», который даже в таком, карикатурно-американском виде покинул Европу. «Время», «дух», «душа» — все исчезло. Выбрали Саркози, потому что он «жесткий», проамериканский. У него нет глаз, т. е. глаза политика — в глубине фатальная усталость, обреченность на цинизм. И в глазах когда-то любимого мной эзотерика и евразийца Дугина (одна озорная компания — Мамлеев, Гайдар Джемаль, Дудинский-молодой, Саша Дугин...) появились льдинки. Гордыня эзотерика, знание того, о чем не знает «толпа». С возрастом исчезает и аура романтизма, и веселость героического противостояния.

9 мая 2007.

Думала о последних днях европейской культуры, о том, что оставили нам последние большие философы — Фуко, Делез, Деррида, Бодрийар.

Но начнем с модернизма, с начала прошлого века.

«Бог умер» — так думали лучшие философы, поэты и художники, которые, впрочем, стали в отчаянии искать «Бога за богом».

Но для всей европейской культуры «Бог умер».

За последние полвека произошло следующее: умер человек. Исчезли образ и подобие, добро и зло, свет и тень, субъект и объект.

Вернее — исчезали. Потому что в новых «иконах» Энди Вэрхола, в поп-арте еще была ирония, жила некая тревожная пустота, иначе — дистанция.

Сегодня, с господством цифровой технологии, исчезла ирония. Исчезло негативное. Все тонет в невозможности различать, символизировать. Закон компьютера «0/1 означает одно» — неразличимый, помоечный поток, в котором появляется одно и то же, которое себя тут же отрицает, и в результате мы имеем «нуль» информации.

Мысль постмодерна, хоть и была деконструктивной, релятивистской и плоской, еще несла в себе мечту о вертикали. Поэтому Лиотар говорил о «возвышенном», Бодрийар и Фуко — о «негативном». Спасение можно было найти уже даже в том, что раньше осуждалось. Можно было спастись индивидуализмом, тем, что ты не похож на других, что хоть как-то чудакват. Россия и здесь не растерялась — она выдвинула идеал самого современного и ни на что не похожего святого — абсолютно «другого», — юродивого.

В постмодернизме еще была возможность игры, падения (а значит, и взлета), к исчезновению и появлению.

У Бодрийара это выразилось в своеобразном иконоклазме. В последние годы философ увлекался фотографией. И давал тому иконокластское оправдание — свет предмета встречается со светом объектива. И образуется негатив. Свершается сокрыто-открытое действие.

Сегодня же, при цифровой фотографии, сам акт съемки невозможен. Уже абсолютно трансцендентный нам мир распадается на мельчайшие частицы, которые сами собой опять собираются, образуя не образ, а призрак.

Как же здесь быть западной церкви? Мне кажется, что «нюх» на реальность и у людей верующих тоже утерян. А утратив всякий доступ к целостному духовному опыту, они теряют и веру. И никто ни в чем не может никого убедить. Западная церковь, в основном, стремится не отстать от времени — уже по одному этому она чудовищно несовременна.

На смену богословия «смерти Бога» пришли «феминизм», «экология», признание сексуальных меньшинств. Наконец, исповедоваться и получать прощение грехов можно по компьютеру. Все это никому не нужно, излишне.

Как средний европеец смог убить Бога? Вопрос задан уже Ницше.

Спасибо тебе, что ты есть, Россия.

И есть Светлана Михайловна, чуткая, красивая.

Петербург. 10 июля.

По телевизору мелькает сытая рожа Виктора Черкесова. Он теперь большая шишка, заместитель министра МВД, борец с наркоманами.

А когда-то эта недотыкомка преследовала не только меня и прочих диссидентов. Когда-то он ухитрился сократить жизнь и моим родителям.

После высылки я выступала в Ванкувере, на Всемирном Совете Церквей. И только перед смертью, когда я уже возвратилась в Россию, мама рассказала мне, что эта гнида (о прекрасная тварь, прости мне это архаическое сравнение!) приезжал в Стрельну и допрашивал моих родителей: «Почему Вы не знали (не сообщили нам), что Ваша дочь выступала в Канаде на ВСЦ?»

Насосался он русской кровушки, все ему неймется, все неловко, неудобно как-то. Зло, не созданное Богом, должно постоянно доказывать себе самому, что оно есть.

Люди, которые когда-то принесли мне большие неприятности, до сих пор пытаются проникнуть в квартиру, звонят, не уймутся. Это как деревенская ведьма. Она не может умереть, пока не передаст свои знания кому-то живущему.

Вологда. 29 июля.

Душа — то, что возникает на месте открытой раны разрыва человеческого существа с вечностью. Я разлюбила нерелигиозных людей, ибо боль — в основе человеческого становления. Василий Розанов: «Боль сильнее радости, именно поэтому религия всегда побеждает культуру».

Вологда. 29 июля 2007.

Из рассказа Наташи Серовой:

На 100-летие Шаламова приехало много людей. Даже его «друзья» из Колымы. Но местное начальство совершенно упертое. Все в тупых страхах. Даже не явились на торжественное открытие. Вернее, заставили себя ждать целых полчаса.

Опять «нет пророка ...». Насколько я знаю, Шаламов сегодня — самый читаемый и волнующий души всего мира русский писатель. Затмил и Солженицына. Читала на разных языках доклады о нем славистов, историков, просто читающих и мыслящих людей.

И лишь в Вологде не найти ни одной книжки (смотрела в магазинах) и он вовсе не «пророк».

То же и с открытием новых монастырей и церквей. Когда-то они цвели повсюду. Но уничтожили русский север, самый монастырский, могучий край. Вологодская область дала миру почти половину всех новомучеников российских. Поэтому непросто покаяться, преодолеть, пересилить прошлое. У большинства все вытеснено, забыто.

Слышала и о Кубенском озере. Там жили дедушка, бабушка, папа. В Кубенской больнице нет бумаги, чтобы сделать электрокардиограмму. Проблемы, как и везде на Руси.

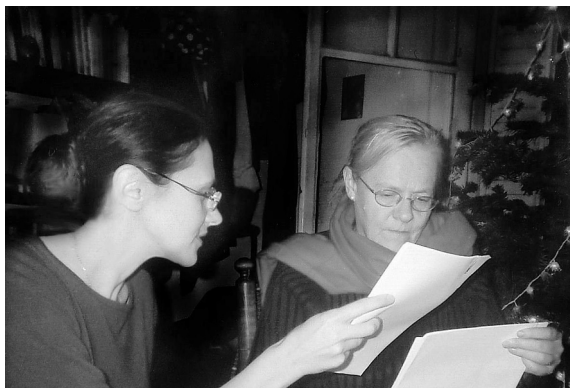
Петербург. 15 августа 2007.

Газета «Завтра». 2007. № 34.

Владимир Минушевич: «На Западе — катастрофы и несчастья, у нас — светопреставление ... Эрос — стихия, идущая от Бога. Божественным эросом называл Христа Дионисий Ареопагит. У меня есть работа «Смех Беатриче», в которой я утверждаю, что такого же воззрения придерживался и Данте и что он почерпнул его у Ареопагита. Эрос — это единение. Секс — разъединение, то, что Розанов называет «анонизмом вдвоем». Столкновение секса и эроса в России — одна из глубочайших проблем».

Еще у Минушевича: «История — это миф, созданный 19-ым веком. Скажем, у Чаадаева есть глубокая мысль, что Апокалипсис стал сбиваться с того времени, как мир был сотворен. Какни странно, эта же мысль содержится в Эдде. История не есть длительность, это целое, которое существует по-настоящему только для божественного ума... Но Апокалипсис — не просто ужас и катастрофа. Это на Западе. У нас же — светопреставление, т. е. торжество иного света. Ведь и Кремль построен по образу Небесного Иерусалима».

Преклонение перед мифом вообще свойственно кругу «Завтра». В этом — опасность, недостаток христианства, ведь главное в христианстве то, что Бог явился в ИСТОРИИ

Петербург. С переводчицей Ариной Кузнецовой.
2008 год

Париж. 21 сентября 2007.

Вчера — наполненные смыслом и жизнью часы с Ариной.

Говорили о журнале «Фома». Как слабо была развита тема «сказки». Например, совсем не использовали психоанализ.

Как же провинциальны даже наши лучшие журналы, оторваны от главных течений, будто бы можно сегодня существовать на необитаемом острове.

В «Фоме» мне понравилась статья о мужчине и женщине. Впрочем, читая западных авторов, нам давно уже известно, что «ребро», из которого

вышла Ева, — это не «безмозглая кость», а именно половина, а Адам — это и мужчина и женщина одновременно.

На Западе активно обсуждаются дневники матери Терезы. Она там откровенно пишет об унынии, о негативных, смущающих ее моментах. Поднялся шум. Некоторые католики обвинили ее даже в атеизме.

А Арина слышала, как по радио выступал кардинал Лионский, мONSEНЬЕР Филипп (Барбарен). Он сказал: «Прекрасно, что мать Тереза так откровенна. Почему, например, так читаются книги Татьяны Горичевой? Потому что она с еще большей искренностью и прямоотой обличает западную теплостудность».

Вот русская искренность и пригодилась. Теперь любая полуправда невыносима, а когда-то иезуиты учили, что лучше хитрить, чем откровенничать. Так цель достигается с большим успехом.

Арина прочла стихи Жакоте в своем переводе. Это совсем не похоже на перевод. Это стихи 22-го века. Они пронизаны недостижимой чистотой. Исчезновением всего ненужного. В них запахи трав, земли. В них заурядность птичьих тайн. И Жакоте — птица. И Арина как птица-волшебница, слитая с этой неслышной и бесконечно-торжественной песней.

Париж. 25 сентября 2007.

Катя принесла фильм «Ночной дозор». Он смотрится живо. Но какая же ложная в нем философия!

Силы добра и зла пока существуют в равновесии. Но добро дает лицензию на то, чтобы зло существовало. От этой лжи тошнит маленького мальчика, будущего «Антихриста», который выбирает людей искренних, т. е. злых.

Этот фильм в России посмотрели миллионы неискующих, одичавших молодых людей. И что же они усвоили? — Добро порождает зло, а потом крайне глупо и неудачно с ним борется. И странно, что эти люди «добра» названы «светлыми». В фильме нет ни одного светлого лица, красивого поступка. Все убого, поверхностно, дебильно.

В Евангелии сказано, что нельзя до времени вырывать сорняки, но никак не говорится о том, что сорняки нужно сеять.

Надо понимать так: в фильме вместо добрых и злых сражаются две армии «инициированных». Одни пользуются черной магией, другие — белой.

Носители этих способностей названы «иными», но непонятно почему. Они распухшие, легкомысленны, забывчивы. Не «иноки» они, а «как все», поколение Ч.

Париж. 3 октября 2007.

Волнуюсь, как никогда, в этот день.

Наш Патриарх, Патриарх Московский, приезжает в Париж. Благословит христианский народ в Нотр-Даме и, конечно, приложится к величайшей святыне всех христиан — Терновому Венцу Христову.

Мы уже за полчаса до приезда Патриарха нашли место в Соборе. У входа — католические кардиналы. Узнаю упитанного парижского архиепископа Андре Ван-Труа. Рядом еще несколько взволнованных епископов.

Толпа, вернее не толпа, а ждущий, напряженный народ поднимает фотоаппараты над головами, снимая все, что происходит в проходе. Вот быстро и красиво промелькнули наши монахи. Наконец, выходящий из машины Патриарх, идущий к алтарю, благословляющий щедро и неторопливо весь церковный люд. Весь мир.

Слава Богу, католики не аплодировали. Тихо звучали проникновенные, уводящие в молчание григорианские песнопения. В немыслимой тесноте каким-то негритянкам все же удастся проползти на коленях значительное расстояние. Мы же крестимся. Плачут и наши (православные) и «не наши».

Сначала говорил архиепископ Парижский — монсеньер Андре. О русских мучениках, о вкладе русской эмиграции в европейскую христианскую культуру.

В ответном слове наш Патриарх поблагодарил за возможность приложиться к Венцу Господню, за то, что Франция приютила нашу эмиграцию. Сказал умно и правильно: в мире, где исчезла нравственность и растет неслыханная жестокость, христианам нужно быть вместе.

Этот шаг подсказан Ангелом-Хранителем — не разглагольствовать об «экуменизме», а узнавать (через святыни, лица и встречи), что есть Церковь, которую ни на Востоке, ни на Западе не одолеют «врата адовы».

В газетах (в уме) встает вопрос, что теперь «маргинализирован» Консантинополь и, напрямую соединившись с Римом, церковь в Ницце, Биарицце и пр. местах перейдет в руки Москвы. Эти соображения меня раньше тревожили (как и всякий материализм и недвижимость в церковных вопросах), а теперь как-то отошли на второй план. Кажутся слишком мелкими.

Газеты, да и все вокруг утверждают: не позднее, чем через год, состоится (конечно, на нейтральной полосе) встреча Папы и нашего Патриарха. Ни тот, ни другой не принадлежат к «экуменистам», но встреча так важна!

Париж. 10 октября 2007.

Скоро Саркози поедет в Россию. Выступал в Польше и Чехии (где американцы задумали водрузить ПРО), везде подчеркивал, что «ошибки Ширака» — дружба с Путиным, хорошее отношение к России — будут исправлены, чем вызвал восторг слушателей.

Уж как суетятся все-таки средства массовой информации. Все боятся чего-то непредсказуемого, что всегда случается в России.

Вчера по «арте» какая-то серенькая либералка (из Москвы) сказала: «Теперь у нас господствует православие вместо коммунизма». Тут же был продемонстрирован новый ГУЛАГ. Показали фильм «За веру, царя и отечество». Герой фильма — некий олигарх, спецназовец, друг Бабурина, приятель разных архимандритов, знакомый с Патриархом и Путиным.

Недалеко от Москвы, в Дураково (вечный Салтыков-Щедрин), он выстроил город-крепость, где единственный и полноправный хозяин — он сам. Собрал около 30 молодых мужчин, которые отстраивают его поместье, а еще слушают его речи-проповеди: Запад и демократия — это ничто, главное — вертикаль власти (иначе иерархия). Православие + Сталин — вот цель. На стене — большая икона Николая II.

Этот Морозов, как и полагается олигарху, ходит полуголый по своим необъятным владениям. Он и сам необъятен, купается в бассейне, в баньке попивает чай с Бабуриным. У западного зрителя должно сложиться впечатление, что Россия еще больше одичала и это дикое, слепое биосущество угрожает и НАТО, и Европе.

Но русские люди знают, что таких «Дураково» очень мало, что даже такой Морозов спасает вымирающих, не способных ни к какой работе суицидников, русских алкоголиков. Увы, почти вымерла Россия. Спасти ее может только сильная вера (она есть) и жесткая, увь, дисциплина. Тюрьма для многих остается самой выгодной (и естественной, свободной) формой существования.

«Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне».

Париж. 10 октября 2007 .

Общество Сан-Жан. Лекция Филиппа Серса.

Рядом церковь св. Германа. В пепельную среду — уже давно здесь заведено — приходят верующие художники (они еще, невероятно, но существуют) и молятся о поэтах и живописцах, которые умрут в этом году.

На лекцию Филиппа пришло человек 30. Его старые ученики: художники, архитекторы, в основном люди нашего мировоззрения, верующие или, по крайней мере, не отрицающие Бога.

Филипп обобщил многое. Мне кажется, что еще никто так не сблизил авангард и религиозную традицию, вечность и суперсовременность.

«Традиция — это передача мудрости». Механизм реакции (зрителя, слушателя) — это способность (power — не только способность, но и власть, и сила) встретиться с вещью.

На языке Достоевского «красота — это великая сила».

Как этот тезис не нравится постмодернистам и ерничающим ироникам! Не нравится и Гройсу (Пригову, Рубинштейну, Сорокину, Кабакову...). Они навсегда испугались. Любая сила, способная влиять на человека, для них чревата «погромами». Но именно эти «либералы» и занимаются авангардом.

В центре рассуждений Филиппа — дадаизм. *Дада* — это опыт смерти идеологии. Дадаизм основан на опыте, всегда трагическом, личном. Он основан на свидетельстве, на сопротивлении любой лжи, жестокости, манипуляции. (Для трусливых либералов *дада* — это только «игра», хохма, кукиш в кармане.)

Филипп описывает и деструктивные стороны дадаизма, но они нужны для вызова, для провокации. Так библейские пророки провоцировали изолгавшуюся толпу, взрывали ложное благополучие.

В начале 20-го века произошла настоящая революция — было открыто живое искусство африканских масок, вечно живая русская икона. И авангард усвоил, что это — его мир, его искусство, в нем содержание совершенно совпадает с формой. Только великий художник может передать минимальными средствами максимальность содержания. Дуйсбург говорил о «спиритуализации материи». Мы открываем событие, оно связано со строгостью его восприятия, его передачи.

Мы отказываемся от маньеризма, в свидетельстве нет произвольной субъективности, она нулевая.

Творчество неизбежно связано с целомудрием, художник прячется, аскетически скрывает себя.

Художник не может быть доволен собой наполовину. Бердяев сказал об этом так — художник эсхатологичен.

Так Филипп накрепко связал искусство с этикой. И пошел еще дальше, к различению духов. «Нужно уметь отделить истинный опыт от ложного».

Нужно создать философию поступка, а не объекта.

Сейчас — время стертых ценностей. Многие говорят: искусство умерло. Нет, умерло только определенное искусство.

Еще о многом (о Пикассо, Кандинском, Балле, Дюшампе, Швиттерсе и Раушенберге) говорил Филипп. Были вопросы, были и новые знакомства.

Как оживает душа, как ликуют все умственные силы, когда слышишь такое! Париж остается городом, любимым Богом, оправдывающим человеческий поиск красоты и истины.

Петербург. 3 января 2008.

С ужасом думаю, как буду в Париже. Нет друзей, нет дел, не моя судьба. Я уже и французский позабыла. Но нужно ехать — как там квартиранты, как банк, налоги? В России с 1-го января все еще в два раза подорожало. Как буду жить дальше? И при всем моем аскетизме платить за эту земную жизнь приходится дорого.

Петербург. 14 января 2008.

Был Сергей Романов из газеты «Вечный зов». Бывший рок-музыкант, бывший протестантский пастор. Пастором стал под давлением корейских, сверхнавязчивых протестантов.

В целом симпатичная личность. Радует его активность. «Вечный зов» — газета о том, что творится во всем христианском мире, о самых живых христианских поступках. Она распахнута всем христианским конфессиям, но вместе с тем православная, даже монархическая. Сергея постоянно можно увидеть на литургии в церкви иконы Феодоровской Божьей Матери, там же он собирает еще не пришедших к церкви людей, отвечает на самые разные вопросы.

Судя по оформлению, это газета «масс», как «Bild Zeitung», не для «окультуренных» людей.

Ясно, что Сергей — *огненный*, но и у него есть, к примеру, «квартирный вопрос». «У меня были острые и неприятные ситуации в жизни — квартира, жена, дети. И я сказал: «Если, Господи, ты мне поможешь с квартирой, буду Тебе служить!» И Бог тут же все устроил, т. е. дал квартиру. Сергей пошел преподавать Закон Божий, потом занялся газетой. К Православию его тянуло всегда, ему важна Россия, русскость.

Но и посещая православную церковь, он говорит все то же (что уже устала слышать): «Нам для роста и существования нужны деньги, нужен спонсор». (Как только в разговоре появляется эта фраза, а это случается, увы, часто, — я теряю к собеседнику интерес).

Но все же, все же! По воскресеньям Сергей с друзьями ходят по нашим страшным больницам. А это — редкость. И это — великое дело.

Париж. 31 января 2008.

Прилетела 26 января. Две ночи задыхалась, думала о завещании, сожалела, что раньше не составила, потому что серьезно боялась умереть, да и сил писать что-то не было.

Вчера просматривала прессу. Что же здесь пишут о России?

Все газеты в один голос — Россия вновь претендует на роль супердержавы. Консервативные немцы издают газеты с описанием действия атомных бомб. Мы, оказывается, опять сильнее американцев.

Вся пресса едина в оценке президента: Путин — это царь, Медведев — в его руках. Русские купили Запад на корню. Газ, нефть, деньги решают все.

И страх перед мусульманскими террористами — Россия, идущая под руку с Ираном, готова дружить с Сирией, вооружать ее.

Все, может быть, и похоже на правду.

Но печально, что никто не пишет о бедности русского народа, вымирающего, спивающегося.

Никто не слышит голоса Солженицына, да и других критиков, которых раньше превозносили до небес. Уже нет диссидентов. Ну что же — мы (диссиденты и вчера и сегодня) тоже виноваты. Когда-то мы, как последние дураки, поверили этому же Западу.

Впрочем, в те времена и Запад был другим, еще не совсем мертвым.

Например, Айаан Хирси Али, женщина из Самали, убежавшая от мужа, работавшая в 2004 году с Ван Гогом над фильмом «Подчинение», не получает никакой поддержки в среде французских интеллектуалов. Ван Гога убили исламисты, ее приговорили к тому же. Она скитается, прячется.

Паскаль Брукнер («Философия», 16, 2008) призывает ее поддержать. Но интеллектуалы не особо-то шевелятся: отнекиваются — она, мол, наивно религиозна (верует в Коран), а значит, вообще не умна. Все восхищаются ее «мужеством», но никто ничего не делает.

Как все это не похоже на времена нашего женского движения — нас поддерживали миллионы женщин на Западе, хоть и были несогласны с нашей «наивной религиозностью» (православием).

Равнодушие? — Да, несомненно, оно. Но еще и страх перед чем-то безумным, хотя бы перед террористами, отсутствие собственных идей, нежелание потерять комфорт. И совсем уж аутично — хоть пять минут подарить другому.

Париж. 1 февраля 2008.

На Западе это почему-то никому не важно, никого не интересует и кажется даже смешным.

Но всем моим друзьям и знакомым в России важен разговор о духовном аристократизме.

Все просят повторить в моей характеристике Владыки Антония Сурожского то, что я говорила о нем как о «духовном аристократе» — царственном, свободном, поднятым над миром, щедром, красивом, неподражаемом (Как у апостола Павла: святого никто не может сыграть, изобразить).

Эта тема была поставлена Николаем Бердяевым. Но у Бердяева отсутствует «церковность» и духовность понимается как простая анти-теза «биологичности». То была совсем иная эпоха, взыскующая «Третьего Завета». Тогда как мы уже в этом Третьем Завете (в эпоху гибели и откровения Духа и Жизни) живем. Мы живем здесь и теперь. Церковь, евхаристия — повсюду. Мы — в вечности.

Открываю последний номер «Philosophie», 16-ый.

Вводная статья Александра Лакруа. Называется «Мечта аристократа».

На террасе парижского кафе один интеллигент говорит другому: «Дам тебе один совет. Его ты не услышишь от твоих профессоров: Не вступай в активную жизнь. Ты меня слышишь? Ты рискуешь потерять не только свое время, независимость, душу, но и самоё жизнь». То же писал когда-то Гий Деборд, испачкавший стены лозунгом: «Никогда не работайте!»

Да, человек Запада хуже, ниже раба (поэтому и не размышляет об аристократизме). У раба был маленький островок свободы, он ел простую, но не отравленную пищу, его нормально (традиционно) лечили, он дышал полной грудью, его не могли безостановочно контролировать и наблюдать.

Наконец, он пытался вырваться из всего, что ему навязывали извне.

Ну а сегодняшняя молодежь, бунтующая в северных пригородах Парижа? Они внешне бунтуют так же, как бунтовали бы 2000 лет тому назад. Но что у них внутри? Как выяснили социологи (Матей, Стиглер) — наиболее бунтующими оказываются те, которые менее других способны покупать.

А ведь в 68 году протестовали еще *против* потребления. Сегодня в мире полностью победили паразитические, мелкие страстишки. И даже мысль о духовном, идеал аристократа не могут появиться в нем.

Баден-Баден. 21–22 марта 2008.

Была у Герхарда Адлера в Баден-Бадене. Теперь Герхард на пенсии, не работает в WSR, где собирал умных людей со всего мира — он был редак-

тором литературной программы. Особенно любил русских. Приглашал их во множестве. Говорили у него и Аверинцев, и владыка Лонгин и многие (особенно православные) люди. Получая за полчаса «работы» 5000 марок, я читала свои «трудные» тексты о Достоевском, Обломове, о Граде Китеже и вообще о чем хотела. При этом не было цензуры. Но и почти не было никакого отклика. Мои католические и протестантские «фанаты» не могли понять ни одной строчки из этих для меня легких текстов. (Я перед Герхардом смущалась, что они слишком незамысловаты.)

На пенсии Герхард и Аннэ много путешествуют. В последние месяцы посетили Индию, Таиланд, Бирму.

Герхард встретил меня на платформе — он как-то посветлел, лицо округлилось. Говорили о многом.

Церковь, Баден-Баденовская зарубежная церковь, не присоединилась к Московской Патриархии. Напротив, местные антиэкуменисты ожесточились. Русского священника сменил сербский, непреклонный и жесткий. Герхард теперь в нашу церковь редко заходит, хоть она и прекрасна, и сверкает, и тянет к себе. Но Герхард католик, он рассказывает: «Здесь один католик решил перейти в православие. Устроили настоящий экзорцизм, изгоняли беса».

Герхарда, как человека знаменитого и любящего Россию (его страсть, любовь — отец Павел Флоренский), осаждают «фоменковцы», которых, оказывается, и в Германии немало. Старинный приятель по Франкфурту Женья Г. (математик) звонит и всячески завлекает Герхарда. Тут же крутится и шахматист Каспаров.

Но когда я сказала Герхарду, что для них не существуют ни Карл Великий, ни греческая античность, то он, кажется, все понял.

Как один мир! Год тому назад в гостях у меня был швейцарец, тоже ученик Фоменко.

На бедного, оставшегося после пышного пиршества с гениями, одинокого Герхарда обрушила свое навязчивое внимание столь же одинокая (но по другим причинам) Алла Сарибан. Я не хотела опускаться до рассказа о неприятной Алле, только сказала, что многие (я и Гройс, к примеру) ее просто боимся. (Ее аутизм как-то особенно безобразен. Господи, прости!). Психоанализ ей мало помог.

Герхард (за вегетарианским обедом): «Да, во времена преследования церкви было так хорошо»!

И, конечно, говорили о животных. Большая радость, когда твою любовь к замученной твари разделяют другие люди. И какие люди!

Герхард собирает молитву «Отче наш» на самых разных языках. У него уже сотни молитв. На многих языках, понимая, читает, на всех европейских еще и говорит.

Меня трогает немецкая верность, как будто мы все уже существуем вечно.

Бедных баден-баденцев, влюбленных в русскую культуру, осаждают «новые русские» спекулянты, мафиози, проститутки. Но это повсюду в Германии. Недавно в городе выступала персона еврейской внешности, рассказавшая о том, что он «единственный и последний из рода Достоевс-

ких». И документы какие-то предъявлял. Вполне в духе перестроечных оборотней и двойников. Но, кажется, даже доверчивые немцы ему не очень-то поверили.

Почему-то после этих дней в Германии я никак не могла войти в парижскую жизнь.

Старая Русса. 21 июля 2008.

Устаешь читать. Смотреть телевизор. Глупейшая, пошлейшая реклама. На Западе она все же остроумнее. Но бывают и просветы:

Выступает Золотусский. Нравится его серьезность: «Сегодняшний человек должен формировать себя настоящего, не ссылаясь ни на какие обстоятельства. Быть верным себе. Это человек-стоик. Как Шаламов. Он слушает только Бога».

Подумалось, что и на Западе вот уже несколько лет подряд выходят все новые и новые переводы ставшего невероятно популярным Шаламова. Солженицын — это человеческое, слишком человеческое, Шаламов же — чистая вертикаль, обнаженная боль, безжалостность к себе, предельная аскеза и последняя бедность.

Порадовало и появление на экране Валентина Распутина. О Сибири: «Какие это были люди! Абсолютно чистой души люди!». «Все были бедные, но при этом все все делили».

Идут кадры из фильма «Деньги для Марии», где люди, узнав о несчастье ближнего, отдают последние гроши (образ евангельской вдовицы).

Спокойно, с внутренней силой говорит Распутин о трагедии — вода затопила Матеру, огонь сжег крепкие, дружные деревни. Люди перестали ждать спасения, они живут катастрофой.

Распутин говорит о трагедии без истерики, за каждым словом — ответственность, спокойствие, которое и рождают только настоящее страдание и невыдуманная трагедия.

Еще одна передача Юрия Полякова.

Видно, боль пронзила множество русских душ. Поражаются, что хамское, безнравственное меньшинство уничтожает большинство, еще сохранившее человеческий облик. Русские, самый талантливый народ в мире, умирают из-за кучки дураков и подлецов.

Петербург. 9 августа 2008.

Все эти дни были сумасшедшими. Я не могла уехать из Питера. 2-го августа приехала Ангелика (60). Ее я видела лет 15 тому назад на докладе в Шеншдаде. И она запомнилась — худенькая блондинка со светлым, открытым лицом. Тогда Ангелика пожертвовала 25 тысяч немецких марок на недавно открытый Святогорский монастырь под Донецком.

В страшном и одновременно прекрасном сне я вижу фантастические, узкие и крутые проходы, ведущие в храм внутри горы, помню визг летучих

мышей, мое почти что падение вниз (спас от него Володя Безносос). Непонятно и непредставимо — годами и десятилетиями в каменных мешках этой горы жили бывшие казаки. Есть там где-то и могила атамана Платова.

Пять минут разговора о монастыре — и все последующие годы нас с Ангеликой связывала только молитва. Ангелика — от ангела. «Nicht jeder Engel ist schrecklich» («Не каждый ангел ужасен»), — сказала она (с улыбкой), перефразируя нами обеими очень любимого Рильке.

Когда-то она была очень богата. Все продала, раздала нищим в Индии, Бразилии, Африке.

Дружит с нескупными священниками, с родными ей по духу, которые все раздадут и всех обогащают. «И никто не выходит из кельи падре К. без улыбки. А к нему приходят толпы. Если постучатся, он открывает двери и в три часа ночи».

Католический культ страдания у Ангелики очень ненадуманный. У нее до сих пор рахит — в детстве мать ее мучила, не давала молока, у нее — гепатит «С» (заразилась от сына-наркомана). Сама Ангелика об этом не говорила, но умная массажистка Лидия все поняла, духом и руками.

Много стихов прозвучало в тот вечер на испанском, латинском, немецком. Ангелика — немка, но сбежала из семьи и жила повсюду. В Бразилии любит ходить по тюрьмам, проповедует. Рассказ ее всегда «с солью» — в одной из тюрем ее сильно побили принесенным ею же крестом.

Сейчас, в Петербурге, она ездит на маршрутках, ходит пешком. Молилась, наверно, во всех наших церквях. «На улице у ваших людей лица мрачные, недоверчивые (не такие в Бразилии), но стоит зайти в любую церковь, как любишься тихой красотой, молчаливым счастьем русских лиц».

И еще удивление: она, такая хрупкая, привезла нам несколько мешков подарков (была обувь, одежда, кофе, часы...) Все было быстро разобрано моими друзьями и знакомыми, случайно и не случайно оказавшимися рядом, у безногого нашего стола.

Говорили, не могли насладиться друг другом. Только иногда чувствовалось, что Ангелика — католичка. Она спрашивает:

— Что бы Вы сделали, если бы оказались в раю?

Рашид-Даниил:

— Я бы попросил Бога поднять туда всех моих друзей.

Я:

— Знаешь, Ангелика, такие смелые вопросы у нас не принято задавать. Любая старушка, если ее спросишь о рае, покачает головой и скажет: «Мне бы хоть за краешек ада уцепиться».

У католиков (как и у наших православных) в чести пророчества. «Один из знакомых священников, — рассказывает Ангелика, — пророчествует: дьявол скоро захватит все, но потом потерпит поражение».

ДРУГАЯ РОССИЯ ТАТЬЯНЫ ГОРИЧЕВОЙ*

Как рассказывают в России, когда Ленин был при смерти, его угнетала только единственная проблема — семантическая. Слово «крестьяне», которое со времен Владимира Первого переросло в обозначение целого слоя общества, нужно было полностью искоренить из сознания народа и заменить понятием «совет». «Святая Русь» тоже должна была раствориться и исчезнуть в новой стране — в Советском Союзе. Преемник вождя Сталин воспринял это последнее желание настолько серьезно, что миллионы людей, принадлежащие к этому классу, были вынуждены голодать или были убиты. Осенью этого же года в газете «Правда» профессор Платанов рассмотрел вопрос веры — предшественницы научного атеизма, скоро отмечающей свой тысячетелный юбилей. По мнению профессора, заставляла задуматься не только статистика: «десять процентов городского и преобладающая часть деревенского населения» все еще оставались верны «старым суевериям», но и восстановление религиозности у молодого поколения в том числе. Опираясь на цифры, можно заметить, что в самой передовой стране «глобальный обман людей» и «мировоззренческая беспринципность» все же не были окончательно преодолены. Религия оставалась жить в сердцах людей.

Портрета профессора Платанова у нас нет, но «опиум для народа», о котором он пишет, получил на Западе вполне конкретное, новое лицо. И это простое лицо русской девушки: незагорелое, интеллигентное, с глазами цвета морских глубин, тонкими губами, с очками в роговой оправе; тонкие светлые волосы собраны в небрежный хвост на затылке.

Она говорит не о реставрации, а о возрождении веры. Где профессор Платанов использует термин «религиозность», она пишет — «о возрождении православия». Её зовут Татьяна Горичева и она рассказывает: «На сегодняшний день каждый четвертый ребенок в России крещен как и многие, многие взрослые. Осознавшая свои грехи русская интеллигенция снова устремилась в церковь. И кроме этого, я не знаю ни одного марксиста в России, их я впервые увидела только в западной Европе».

Мы рождены в пустыне

«Церковь в южном округе города Карлсруе, в которой она выступит сегодня вечером, уже за час до ее появления заполнена даже больше, чем к мессе», — рассказывает приходской священник. Гости заняли всё свободное место: от самого входа в церковь до ступенек алтаря, расположились в проходах, на каменном полу, словом — повсюду. По их внешнему виду невозможно определить к каким конфессиям или социальному слою они

* *Paul Badde*. Die Schwester von Karamasov. «FAZ-Frankfurter Allgemeine Zeitung», № 296, 21.12.1985.

принадлежат, нельзя также выделить одну возрастную группу. Но внезапно, за полчаса до её выступления они начинают молиться и петь, дружно, и в один голос, без дирижера — органиста или священника. Почему же эта женщина так притягивает к себе людей? Что особенного в той, которая скоро появится на сцене? И пока священник произносит небольшую вступительную речь, неподвижно и тихо ждет в тени алтарной комнаты.

Горичева волнуется перед выходом на сцену так же, как волновалась каждый вечер в течение пяти предыдущих лет, потому что говорит по-немецки хуже, чем по-русски. Потом выходит вперед, творит крестное знамение и начинает рассказывать с середины истории, которую можно принять за роман. Она говорит свободно и просто, рассказывает о жизни монастырей за идеологической завесой пропаганды, об их обитателях, встречающих новый день церковными песнопениями и колокольным звоном. О безымянных мудрецах и юродивых, которые приводят в русское общество все больше христиан. Рассказывает, как на замерзших озерах Сибирских лагерей босые женщины-христианки, отказываясь работать по воскресеньям, согреваются пением старинных хоралов. О семинарах научного атеизма, которые интересны уже тем, что только на них можно без опасений изучать библейские тексты, и о музеях атеизма, в которых тайно собираются верующие, чтобы помолиться иконам — наследию ушедшей в прошлое религии.

Она одета по послевоенной моде Латинского квартала: расклешенная черная юбка, измятая бархатная курточка, такая же черная блузка, шаль, на босых ногах сандалии. Ее раскатистое «р» похоже на воркование голубя. Во время разговора она постоянно откидывает прядку волос со лба, то и дело скрещивает и разводит на груди руки, смеется коротко и звонко, охает, тяжело дышит, теребит замок от куртки и в конце концов после целого часа беседы она так же внезапно прерывает ее, как и начала, так, будто ей отказал голос. «Я прошу простить меня», — говорит она неожиданно до этого безукоризненно изыскиваясь на немецком, и низко кланяется своей публике.

История ее жизни началась в Советском Союзе. Она родилась в 1947 году в Ленинграде, на улице Дзержинского — бывшей Гороховой, где по задумке Гончарова жил Илья Ильич Обломов. Будучи единственным ребенком в семье, она воспитывалась мамой строго по-советски. Лучшая ученица в школе, она поступает в радио-техникум, где начинает осваивать физику и углубляется в изучение немецкой культуры. По сей день Горичева считает, что «по-настоящему Германию можно узнать только в России». Восемнадцатилетней девушкой она была активной комсомолкой и стала даже руководителем комсомольской организации. Но когда в середине шестидесятых экзистенциализм проник и на территорию Советского союза, Татьяна открыла для себя, что «существуют более глубокие уровни всего сущего, чем законы общественной жизни». Ради этого она и стала философом, готовым «за любую правду гореть на костре». Именно поэтому и сегодня Горичева говорит «мы», когда описывает свою

жизнь: «Мы, рожденные в пустыне, писали стихи в трамваях и говорили о Спинозе в коридорах».

Со своим первым мужем она познакомится в библиотеке. Они поженятся и разведутся. Замуж Татьяна выйдет и во второй раз. В кафе «Сайгон» на углу Невского проспекта и Литейного по вечерам она встречается с экзистенциалистами, художниками, йогами, одержимыми болезненными страстями, диссидентами, стоящими на психиатрическом контроле, и другими аутсайдерами большого города, с которыми спорит до поздней ночи, выпивает и поет патриотические песни. Горичева переводит Хайдеггера, даже состоит в переписке со старым мэтром, декламирует его в мансардах и на кухнях, ведет споры о Карле Ясперсе, Гуссерле и Леви-Строссе. После блестящей защиты диплома она не вступает в партию. Лекции по этике, которые ей поначалу было разрешено читать в медицинском училище, начинаются с шаблонных слов «марксизм учит тому, что...», чтобы потом продолжиться цитатами из Фрейда, Юнга, Сартра, Ницше или Сёрен Кьеркегора. Все идет хорошо до того момента, когда Горичева открывается одной западно-немецкой группе студентов в своей симпатии к Солженицыну, недавно объявленному вне закона. К двадцати четырем годам она оказывается в той части общества, куда попало уже большинство ее университетских друзей: среди кочегаров, ночных сторожей, лифтеров. Сама Горичева работает пожарным, лифтершей, — профессии позволяющие выжить.

Вся прошлая жизнь, общество и культура кажутся ей только «пустотой и туманным следом маяя, Ничем», но это практически не волнует. Через одного знакомого она познает искусство йогов и овладевает искусством медитации. Также как и все проявления магии, йога популярна в Советском союзе. «Нигде в мире не верят так сильно в судьбу и предзнаменование: один сосчитает сумму цифр на проездном билете в трамвае и съест его, многие верят в гороскопы; всевозможные ведуньи и прорицательницы в высшей степени востребованы».

Горичева без устали ищет в трансцендентальном ландшафте свой путь. Она бросает пить и курить, отказывается от мяса и «день и ночь, в голос и шепотом» напевает себе под нос «омм, омм, омм». В 26 лет она в одно мгновение сменит уже привычную мантру на «Отче наш», шесть раз проговорит слова этой молитвы, а на седьмой перед ее внутренним взором предстанет «первый день творения», ей явится Божье откровение.

«Да, да, тяжкие грехи», — вздыхает отец Ермоген, когда Татьяна в своей первой исповеди осознает себя причастной ко всему, что составляло советские будни: пьянство — да, изгнание из страны врагов народа — да, ложь — да, и так далее — да, да, да... «И я тоже виновна!» — так говорит доцент-философ, в первый раз она понимает грех не как индивидуальный проступок, а как духовный феномен и, до этого не знакомое ей осознание вины как освобождающее «новое и возвышенное чувство». Теперь учится она, и ее обучение состоит в том, что она подражает старым и часто неграмотным женщинам, у которых нет ни гроша за душой. Право-

славие сохранило их как большой секрет во время и революции, и атеистической охоты на иконы.

Новые христиане в подвале

В 1973 году Горичева организывает вместе со своими университетскими друзьями, людьми с академическим образованием, ныне лифтерами и ночными сторожами, семинары в просторном подвальном помещении, во время которых они читают тексты святых Григория, Василия, Афанасия Великого, Тертуллиана, а потом и Карла Ранера, Карла Барта, Пауля Тиллиха. Эти семинары с самого начала уже сами по себе интеркультурны — несмотря на то, что постоянными гостями являются «стукачи» из КГБ, публика самая разная: сюда кроме православных христиан приходят лютеране, баптисты, католики, скептики, агностики и даже мусульмане. Каждую пятницу в и без того постоянно переполненном помещении теснятся две-три сотни людей.

Первые новые христиане это евреи или евреи-полукровки, которые в Советском Союзе вновь трагическим образом были вынуждены «сидеть между стульями». Они подозреваемы властями в сионизме. И в то же время наблюдается всё нарастающая тенденция антисемитизма в населении, которая гротескным образом подпитывается тем, что евреям на сегодняшний день приписывается и вина в октябрьской революции. Эта ситуация напоминает стародавние времена, когда евреев обвиняли в убийстве Христа. «И это действительно верно, многие евреи участвовали в революции. И вы видите, что евреи всегда в авангарде революций.»

В течение нескольких лет реакция Большого брата (КГБ) на этот семинар сопровождается только «мягкими» мерами: «деловые переговоры», разоблачающие заметки в газетах, отчисления из вузов и слухи, но потом приходят первая волна арестов, громкие процессы и лагеря. «Скажите пожалуйста, Татьяна Михайловна, откуда у вас такая вера?» — спросили ее на первом же допросе. «Вас же воспитали в нормальной советской семье. Ваши родители ведь были интеллигентные люди, не какие-нибудь дворяне или кулаки. У Вас не должно быть никаких социальных предпосылок для веры!» Она молчит. Нет никакого логичного объяснения для возрождения христианства на Руси. Именно поэтому ее родители держат ее за сумасшедшую. Но семинары существуют и по сей день, несмотря на то, что лучшие умы постоянно преследуются режимом.

То, что в 1980 году Татьяна Горичева оказывается как многие ее друзья и подружки не в ГУЛАГе, а в Вене, имеет вполне курьезные причины. С Татьяной Мамоновой, убежденной неверующей феминисткой, Юлией Вознесенской и Натальей Малаховской в 1979 году в Ленинграде, кроме семинара, они создали еще и женскую газету, в которой они так же бесстрашно обсуждали темы ежедневных бесконечных очередей, растущего голода, алкоголизма мужчин и безрадостного матриархата советских будней и протест матерей против войны в Афганистане. Священник, которому

они еще в самом начале представили на рассмотрение свое детище, благословил первое женское движение Советского Союза. Группа называет себя «Мария», и отклик на нее был огромен — у населения и у властей, а на Западе — среди европейских и американских феминисток. Именно из-за этого эха и известности ядро движения сразу не арестовали, и во время большой чистки перед олимпийскими играми в Москве им была предоставлена альтернатива: лагерь или эмиграция. Татьяна Горичева обращается с этим вопросом к ее духовному отцу. Первая часть его ответа могла бы быть произнесена Петром Первым: «Едь и Учись!» — сказал он. «Но не забудь, ты не в изгнании, ты — в послании!»

По прибытии ее не ждал ни один церковнослужитель, зато ее встречали женщины из многих стран. До сегодняшнего дня она благодарна им за эти недели, хотя встреча с западным феминизмом и вызвала в ней не меньший шок, чем столкновение с западной церковью: например многие из этих дам представились ей «ведьмами», она сравнила их с образом, почерпнутым не из сказок и мифов, а из будней советской жизни. Западные феминистки смотрели на нее непонимающим взглядом, когда она пыталась объяснить, что церковь стала единственным оплотом свободы советских женщин. Она еще не знала, что даже по сути в тождественных понятиях Запада и Востока пропасть между ними гораздо больше, чем разница между политическими системами. В этом противоречии Горичева живет со времени ее эмиграции.

После первого просмотра религиозной телевизионной программы «Слова к воскресению» она благодарит Бога за то, что в России есть только атеизм и никакого «религиозного образования». В иезуитском Институте Св.Георгия во Франкфурте, в центре просвещенного духовенства, она разочаровывается в холодной западной теологии. Несмотря на это Татьяна продолжает свой путь, направляется в Париж, где будет учиться в Свято-Сергиевском институте и жить среди рассорившихся друг с другом трех волн российских эмигрантов. Прежде всего, Горичева живет историей своей жизни. О ней напишет в своих трех книгах, вышедших в 1982, 1984 и 1985 годах, и к русской жизни она так страстно возвращается, будто в воспоминаниях обретает «белые ночи Ленинграда», которых ей здесь так не хватает.

У книг был успех. Не прошло и двух лет после выхода в свет второй книги, как ее переиздают уже в 11-й раз. Но только тоска по теплоте запаху свежей земли во дворе русского монастыря, который был так присущ ее первой книге, все больше уступает место, воинственным и жизнелюбивым спорам с постнигилизмом и «страшной скукой» современного мира. Она пишет о трагизме романтических любовных отношений и о реализме настоящей любви. В идеалистических взглядах на мир писательница видела не что иное, как обратную сторону материализма. Закаленные юмором Ивана Грозного, «усмешкой Ленина и шуточками Сталина» новые русские христиане уже «слишком много пережили, слишком много выстрадали, чтобы оставаться материалистами. Они стали идеалистами. «Когда живешь на Западе, начинает казаться, будто живешь

в старой России середины 19 столетия, когда идея революции и справедливого общества завладела умами заскучавшей и уставшей элиты». Из-за этого у одной и той же философской идеи были самые различные последствия. «На Западе мне встречались люди, которые после лекции Сартра отлучались по собственной воле от церкви. В России я наблюдала, как Сартр со своим постулатом свободы наоборот приводил своих читателей в церковь, которая казалась единственным островком свободы и жизни в тоталитарном государстве. В то же время в этом не чувствовалась даже тенденция к консерватизму, не было стремления к реставрации или возвращения старых, дореволюционных порядков. Церковь была нашей лечебницей. Нам нравился ее максимализм: жизнь имеет смысл только потому, что в ней есть вещи, ради которых хочется не только жить, но можно и умереть».

Западно-восточная миссия народа

Как считает Горичева, у западной церкви намного больше трудностей и проблем, чем у восточного православия. «Россия и по сей день проходит через 9-й круг ада, но одновременно в этой стране живут самые счастливые люди в мире. Но здесь (т. е. на Западе), церковь, переполненная простыми обывателями и конформистами, не пускает в свое лоно по-настоящему ищущих: эта масса не только сама не заходит внутрь храма, но и не пускает других». «Здесь, — говорит она, — литература и поэзия часто ближе к Богу чем теология. Во Франции, где творят Фуко, Делез, Бодрийар, самая лучшая философия, — атеистическая. Она очень близка к христианской апофатике. Ей недостает только того самого определения — Вера».

Тем не менее, если уж Горичева и в пути — то ее дорога ведет в церковь, ее задание — это своеобразная западно-восточная миссия. Она практически все время в движении. Календарь-еженедельник заполнен уже на недели вперед. Неожиданно она, та, чье окружение в России составляли все больше интеллектуалы, становится тайной звездой среди немецких бабушек, которые стайками приходят на ее выступления. Только здесь ей приходится принимать всех просящих, всех одиноких и отчаявшихся, которые собираются вокруг нее после ее выступлений. Горичева должна излечивать больных и изгонять бесов. «Гляньте-ка сюда», — живо говорит она по пути домой, доставая из сумки стопку розовых икон, которую ей только что всучили, — «церковь бесследно потеряла здесь (в западном мире) всю культуру. От культуры, чьи корни уходят в глубины и тайны культа, остался только китч».

Глубокой ночью в доме священника, где она остановилась, Татьяна говорит: «Выпьем до дна. Надо все выпивать до дна, это уж русская традиция». Все так, будто можно пролистать всю ее жизнь — каждый день и год, увидеть все помещения, в которых она ее провела. Например, КГБ. В одной комнате, где в углу стоит каучуковое дерево, за письменным столом посередине сидит, развалившись в кресле, офицер, одетый в штатское. Он курит, пуская кольца дыма в луч света настольной лампы. Мы слышим, как он

смешается: «Ну, что скажете, Татьяна Михайловна, и кто, по-вашему, прав: Вы или те 260 миллионов?»

Но в ответ обманщица только упорно продолжает молчать. Но мы вынуждены сократить эти миллионы, вычитая из них те 10 процентов distinguished профессора Платанова, а также «40 миллионов зарегистрированных алкоголиков», как и постоянно увеличивающееся число мусульман, иудеев, а также недовольных советским строем в Литве, Армении, Грузии, на Украине.

И мы задаем Татьяне по сути своей тот же самый вопрос: скажи, сестренка, и кто же должен принять на веру эту историю? Но она только усмешается в ответ, не пытается присвоить себе дело чужих рук и не ссылается на то, что знает каждый ребенок, что Москва — это Третий Рим. В православии — как и в политике Кремля — уже на протяжении пятисот лет нельзя позволить себе засомневаться.

«Но все же каждое общество, в том числе и советское, не является одно- или двухмерным». В ее голосе проявляются возбужденные нотки. Может она начнет петь?

Но все-таки нас в первую очередь интересует основной, политический вопрос. А именно: верит ли она в постепенную перемену системы ее могущественной родины? «Знаете ли, не стоит мечтать, мечтания это грех». И вообще, какая система? «Весь мир ждет того, чтобы она переменилась». Ее лицо прозрачно. Она абсолютно открыта. Кроме истории своей жизни у нее есть еще улыбка Алеши. Она сестра Карамазовых и светится счастьем оттого, что может петь свою горькую, но, в то же время, хвалебную песнь.

Перевод с немецкого
Екатерины Лаптиева,
2009.